

«ВАРЛАМ ШАЛАМОВ И ЕГО ВРЕМЯ»

МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

Красновишерск
2017

«ВАРЛАМ ШАЛАМОВ И ЕГО ВРЕМЯ»

МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

КРАСНОВИШЕРСК. 2017

«Варлам Шаламов и его время»: материалы краевой научно-практической конференции «Варлам Шаламов и его время» (г. Красновишерск, 16 июня 2017 года).

В сборник вошли материалы краевой научно-практической конференции «Варлам Шаламов и его время», состоявшейся в рамках проекта «Варлам Шаламов и его время». Конференция была посвящена наиболее сложному периоду истории России 20-х – 50-х гг., связанному с политическими репрессиями и ГУЛАГом, рассмотренному через творчество В.Т. Шаламова, историю Красновишерского муниципального района и Пермского края. Участниками конференции стали ученые, деятели культуры, архивисты, краеведы, педагоги и обучающиеся общеобразовательных школ.

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ:

Администрация Красновишерского муниципального района
Пермского края
Архивный отдел
Районный фонд социальной поддержки населения

ПАРТНЕРЫ:

Отдел культуры департамента муниципальных учреждений администрации Красновишерского муниципального района
МБРУК «Красновишерская межпоселенческая централизованная библиотечная система»

2017 год объявлен в Красновишерском муниципальном районе Пермского края годом писателя Варлама Тихоновича Шаламова, которому в этом году исполнилось бы 110 лет со дня рождения. Это не случайно, ибо судьба В.Т. Шаламова и история Красновишерского муниципального района тесно переплелись. Варлам Шаламов был одним из десятков тысяч заключенных Вишерского лагеря ОГПУ, существовавшего с 1926 по 1934 годы, и находился в нем с 1929 по 1931 годы. Впоследствии В.Т. Шаламов стал всемирно известным писателем. В его творчестве пребывание в Вишерском лагере нашло отражение в антиромане «Вишера» и ряде рассказов.

В рамках года В.Т. Шаламова архивным отделом администрации Красновишерского муниципального района был написан проект «Варлам Шаламов и его время» на XV районный конкурс социальных и культурных проектов, проводимый администрацией Красновишерского муниципального района. Проект был поддержан и реализован.

В рамках проекта 16 июня 2017 года состоялась научно-практическая конференция «Варлам Шаламов и его время», и был поставлен спектакль «Я был готов жить!», рассказывающий о пребывании В. Шаламова в Вишерском лагере и созданный по его произведениям.

Конференция была посвящена одному из наиболее сложных периодов истории России – времени политических репрессий в СССР в 20-е – 50-е годы. Участниками конференции стали ученые, архивисты, представители музейного сообщества, краеведы, педагоги и обучающиеся общеобразовательных школ. Гостями конференции стали Л.А. Ясырева, начальник информационно-аналитического отдела аппарата Уполномоченного по правам человека в Пермском крае и кинорежиссер П.А. Печенкин, снявший документальный фильм «Варлам Шаламов. Опыт юноши», в котором в числе других документов были использованы изображения фотонегативов на стекле, хранящиеся в архивном отделе администрации Красновишерского муниципального района, созданные в 1930-1937 годах, в период строительства и первых

лет работы Вишерского целлюлозно-бумажного комбината. За данный фильм Павел Печенкин стал лауреатом премии Национальной академии кинематографических искусств и наук России «Золотой орел».

Конференция «Варлам Шаламов и его время» стала важным событием в общественной и историко-культурной жизни Красновишерского муниципального района.

**ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ВАРЛАМ ШАЛАМОВ И ЕГО ВРЕМЯ»**

*Марголина Татьяна Ивановна,
Уполномоченный по правам человека
в Пермском крае, Пермь*

Уважаемые организаторы и участники конференции!

Прежде всего, хотелось бы поблагодарить инициаторов конференции – архивный отдел администрации Красновишерского района, Красновишерский районный фонд социальной поддержки населения, департамент муниципальных учреждений администрации Красновишерского муниципального района за идею проведения столь значимой и интересной конференции.

Стоит отметить, что из всех представителей так называемой «лагерной прозы» Шаламов — самый яркий и одновременно самый глубокий писатель, вышедший далеко за рамки одной этой темы — к философским вопросам этики человеческого существования и ситуации личности в истории. Именно поэтому Шаламов, без всякого сомнения, — писатель XX века.

О документальной достоверности шаламовских рассказов до сих пор ведутся горячие споры. Но в любом случае можно утверждать, что Варлам Шаламов входит в круг писателей, которых сближала, независимо от системы и национальных границ, одна совместная цель: литературная фиксация преступлений против человека и исследования жизни человека в нечеловеческих условиях.

Ваша конференция, как новый виток начало большой системной работы, которая, несомненно, способствует объединению сотрудников музеев, литературоведов, историков,

архивистов, гражданской общественности на едином поле увековечения памяти жертв репрессий.

Надеюсь, что конференция станет заметным событием не только для её участников, но и для историко-культурной жизни Красновишерского района, а также региона в целом.

С уважением и пожеланиями успехов в работе конференции.

В.Т. ШАЛАМОВ И КРАСНОВИШЕРСК В ИСТОРИИ РОССИИ И ГУЛАГА

Печенкин Павел Анатольевич,

*Генеральный директор Госкиноцентра «Пермкино», член
правления союза кинематографистов России, кинорежиссер*

Красновишерску повезло, что в его истории был такой человек как Варлам Тихонович Шаламов. Благодаря тому, что Шаламов пережил здесь, выжил, он сумел написать строки, которые стали одним из величайших достижений русской словесности.

Как поэт, он встречался со многими великими русскими поэтами, включая Маяковского и Пастернака. Однако, пройдя через ГУЛАГ он заявлял, что стремился к прозрачности и простоте выражения. Его произведения написаны таким стилистически простым русским языком, которого, пожалуй, не было в русской литературе. Может быть, только Пушкин может с ним посотязаться. Эта простота и ясность понимания того, что он пишет, позволила Шаламову войти в число лучших писателей XX века.

Я очень волновался, когда ехал в Красновишерск. Ибо я ехал туда, где все описываемые Шаламовым события происходили. Об этом мой фильм «Варлам Шаламов. Опыт юноши».

Премьера фильма состоялась. Но его нужно продолжать показывать в музеях, в школах. И понимать при этом, что фильм необходимо объяснять, так как дети могут и не понимать, что они видят. В этом фильме много такого, что на первый взгляд не актуально и не понятно. Но если знать историю страны и самого писателя, то фильм может стать неким ключом к открытию чего-то ранее непонятного, что очень важно для молодого поколения.

Я бы очень хотел, чтобы после того, как вы посмотрели фильм, который получил премию «Золотой орел» и был оценен кинематографистами очень высоко, чтобы вы поняли, какой

материал у вас лежит под ногами. Какие фотографии находятся в ваших личных архивах, какой материал находится в районном архиве, и сколько мы еще не знаем.

В фильме присутствует фотография, на которой сняты руководящие сотрудники Вишерского лагеря. У меня появилась идея снять новый фильм об этих людях. Интересна история этих людей, среди которых стоит Шаламов. Благодаря Шаламову мы можем прочесть в антиромане «Вишера», что происходило в лагере. Но я не могу сделать фильм, не зная историю этих людей. Я не знаю, как они оказались на Вишере, откуда они, что с ними стало, что с ними происходило здесь. Это - интереснейший материал для кино. Но это все остается в памяти людей, которые, к сожалению, уходят. И эта эпоха уходит вместе с ними, потому что молодежь, ничего не знает об этой эпохе, она им не интересна. Вряд ли кто-то из старшеклассников серьезно читал произведения Шаламова. Серьезно – это означает, что после прочтения мировоззрение их должно было измениться.

Люди, которые серьезно занимаются историей, читают Шаламова не просто как развлекательную беллетристику. Ибо это история их семей, их жизни, история их страны, их города. Это – история, которая станет будущим, пройдя через нас. Сможем ли мы, пройдя через такое прошлое, имея такое настоящее, сделать будущее? Это вопрос к нам как к активным жителям этой страны и строителям будущего. Поэтому я обращаюсь к вам о помощи при создании нового фильма.

Почему я остановился именно на этой фотографии? Ведь есть и другие фотографии, на которых, например, сняты рабочие. Рабочие, находясь каждый на своем участке, работали, но они видели только свое место, знали только какую-то свою операцию. А работники, подобные Шаламову, были в управлении Вишлага, знали гораздо больше, к ним по-другому относились. Поэтому интересна история людей на этой фотографии. Тем более, что это было время начала ГУЛАГА, начала самого Красновишерска. В каком-то смысле, Красновишерск – это родина ГУЛАГА.

Вы должны понять, какую ценность представляет для вашего города Шаламов – великий писатель XX века, человек, который жил в самую трагическую пору истории России. Эта тема может стать ключом, если хотите, брендом Красновишерска. Шаламов, история ГУЛАГА, история страны, формирование интереса к истории, поиски истины и своего места в истории своей страны. Это очень важно понимать.

Я был последний раз в Красновишерске, когда мы снимали фильм. Мы тогда тайком пробрались на завод, ибо нас туда никто не пускал. Мы сфотографировали варочный котел, которого сейчас там уже нет. Тогда у меня возникло ощущение, что в городе теряется память об этой эпохе. Сегодня достаточно много людей, которые хотели бы решать современные проблемы теми методами, которые использовались во времена ГУЛАГА. Этого нельзя допустить. Для этого нужно сохранять память об этой эпохе. Ибо это страница нашей истории, которую не вычеркнуть. Нужно ясно понимать, что тогда произошло в стране, почему это происходило и как сделать, чтобы это снова не повторилось.

ЧУДЕСНЫЙ КРАЙ. О ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВАХ ВИШЕРСКОГО КРАЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В.Т. ШАЛАМОВА И АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

*Зорина Елена Ибрагимовна,
учитель географии муниципального автономного
образовательного учреждения основной общеобразовательной
школы №4, г. Красновишерск*

Сегодня мы много говорим о разнообразии творчества Варлама Тихоновича Шаламова, его желании показать читателям насколько силен и умен человек, как он может переживать за свое дело. Писатель пишет не только о заключенных, но и о многих других людях, которые в своем деле являются профессионалами-труженниками. Его произведения связаны с профессиями, которые дают возможность думать, бороться и не сдаваться. В рассказах «Алмазная карта» и «Карта» описываются природные богатства Вишерского края, люди которые разведывали недра нашей страны. Рассказы написаны исходя из реальных событий: об очередной попытке поисков алмазов в бассейне реки Вишеры, предпринятой Э.П. Берзиным, начальником строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината в конце 20-х годов.

Не на пустом месте появился наш город. Он стал частью развития производства в молодой советской стране. Строительство Вишерского целлюлозно-бумажного комбината позволило не только дать стране бумагу, но прежде всего, освоить богатый Вишерский край.

В произведениях Шаламова хорошо описаны исторические события, связанные с геологическими изысканиями французского акционерного общества и с его работой на территории Вишерского края.

Развитие территории Вишерского края начиналось несколько раз. Первым предприятием был Красноборский чугуноплавильный завод. Завод располагался на правом берегу

реки Вишеры, в 18 км от г. Красновишерска. Это небольшой сыродутный железодельный завод, действовавший в Западном Приуралье в 40-х годах XVII века. Не установлен период его деятельности, имена организаторов и участников производства. Сохранился единственный документ — опись оборудования завода, — из которого следует, что завод был государственный, работал на болотной руде и производил железо. Горнодобывающее производство на северном Урале отмечено еще 1648 году.

Следующий период развития Вишерского края связан с деятельностью русско-французского акционерного общества в конце XIX века. В этот период было проведено детальное исследование недр на наличие полезных ископаемых, были составлены геологические карты.

В рассказах «Карта», «Алмазная карта» Варлам Шаламов описывает поселок Кутим, геологическую экспедицию в его окрестности. Главный герой - бывший главный бухгалтер Иван Степанович Бугреев. Он после остановки завода в 1912 г. остался жить на Кутиме, завод же был остановлен в 1909 году. Иван Степанович Бугреев хранил карту полезных ископаемых Вишерского края, оставшуюся от французов. Сюжет рассказов заключается в том, что советские геологи просили Бугреева передать им эту карту. В рассказе «Карта» он передает карту геологам уже после того, как они составили такую же карту сами. В рассказе «Алмазная карта» речь идет о существовании карты, на которой указаны месторождения алмазов. Карту геологи получили, но указаний на месторождения алмазов на ней не оказалось.

Геология Кутимского месторождения известна с 1869 года, когда под руководством И. А. Щеголина, при поисках золота, нашли железный блеск. Месторождение эксплуатировалось с 1887 г. по 1907 г., снабжая рудой чугуноплавильный завод близ места добычи, которым было выплавлено 276 тысяч тонн чугуна. Кутимское месторождение является наиболее изученным из группы месторождений и проявлений.

В архивном отделе администрации Красновишерского муниципального района тоже хранится карта [1], где показаны не просто месторождения полезных ископаемых, а именно время, т.е. год и места взятия геологических проб. Карта дополнена, другими более современными датами и это может быть связано с поздним периодом изысканий. В советский период времени Кутимское месторождение разведывалось в 1929 – 32 г.г., в 1940 году и 1948 - 1951 г.г. Разработок не проводилось, так как месторождение посчитали нерентабельным из-за трудностей с транспортировкой руды. Гематитовая руда имеет очень редкий генезис образования. По составу - это материал высокой сортности. Шаламов побывал на территории Кутимского месторождения именно в период с 1929 -1931 г.г., так как именно в это время он был заключенным Вишерского лагеря.

Еще один документ, который хранится в архивном отделе, это очерк «Чудесный край» Ф.Мякоткина – начальника Кутимской геологоразведочной партии, составленный в 1936 году [2]. В нем он подробно рассказывает о поисковой работе. «Суровый малообжитый край до последнего времени остается недоисследованным. А в нем есть, что искать, исследовать и раскапывать...» [2. Л.172]. В очерке он упоминает об изысканиях профессора Штукальберга, которые проводились на правом берегу Вишеры напротив Н-Чуватского рудника в 1902 году. «Жила оказалась золотоносной. В жиле встречаются медная зелень, медная синь, озурит, свинцовый блеск халькопирит, пирит, блеклые руды и включения самородного золота» [2. Л.172]. Далее в документе приводятся все исследованные участки и описание месторождений россыпного золота, медных руд, змеевиков, асбеста, хромитового железняка, свинцовых руд, мрамора, магнетита, титано-магнетита, железного блеска, красных и бурых железняков. Свой отчет

Ф.Мякоткин заканчивает словами: «Надо быстрее строить намеченную электростанцию на реке Вишере. Надо строить железнодорожные пути, соединить Вишеру с печерской нефтью. А дальше еще увлекательнее: перспектива соединиться с Северным океаном водным путем, снабжать богачейшими рудами, металлом, лесом Ленинградскую промышленность. Чудесный край ждет большевистских рук. Когда они будут приложены, то быстро удастся перекроить, сделать реальной и нужной всю «метаморфическую толщу» нанесенную на геологическую карту [2. Л.173]». Начальником Кутимской геолого-разведочной партии так же составлена докладная записка секретарю Свердловского обкома ВКП(б) «О полезных ископаемых Вишерского края» [3. Л.173 об.-175], где он дает заключение о работе своей партии в 1936 году «Участки заслуживающие разведок следующие:

1. Правый берег реки Вишера-против Чувальских железных рудников – разведка коренных месторождений золота.
2. Правый берег реки Мойва – разведка асбеста, хромистого железняка, свинцового блеска и золота.
3. Речка Шудья и речка Велс - разведка медных руд, золота и др.» [3. Л.175].

В «Политико-экономической характеристике Красновишерского района Молотовской области» [4], датированной 1946 годом, есть раздел «Полезные ископаемые и другие природные богатства», который подтверждает богатства земных недр нашего района. В разделе перечисляются официально учтенными 8 месторождений железной руды с общим запасом в 27 млн. тонн [4. Л.52]. Приводится качественная характеристика вишерских руд по исследованиям геолога Нечаева [4. Л.53-54]. Кроме этого перечисляются 18 заявленных залежей железных руд по реке Вишере, 12 заявленных залежей по реке Язьве [4. Л.55-58]. Запасы Кутимских железных руд геологической экспедицией 1940 года

под руководством Нечаева определены на 5 лет работы Майкорской доменной печи [4. Л.58]. Однако указывается, что «Кутимские руды не используются из-за трудностей транспортировки» [4. Л.58]. И предлагается сменить ориентировку с Кутимских руд на Велгурские и Шугорские, которые залегают по берегам реки Вишеры, и транспортировка их возможна в течение всего лета [4. Л.58-59].

Кроме железных руд указываются месторождения цветных металлов: меди, свинца, серного колчедана, а также золота и платины [4. Л.59-61].

Только об алмазах не в одном из отчетов не сообщается. Возможно поиски алмазов также входили в состав геологического задания. Ведь рассказы Варлама Шаламова основаны на реальных событиях и являются свидетельством того, что поиски алмазов на Урале начались до 1937 года. То есть, и творчество Шаламова и архивные документы свидетельствуют об одном и том же – о значительных богатствах недр земли Вишерской.

Вот почему в приказе №131, подписанном Эдуардом Петровичем Берзиным [5. Л.174.], говорится: «Оставляя ВИШХИМЗ, приношу всем работникам свою благодарность за совместную работу по пути социалистического освоения Вишерского края, индустриализации и культурного подъёма одной из отсталых окраин Советского Союза. Надеюсь, что работники ВИШХИМЗа будут продолжать развитие Вишерского края теми же темпами, которыми было осуществлено строительством комбината и обеспечат ему место, соответствующее его естественным богатствам».

1. Архивный отдел администрации Красновишерского муниципального района. Ф.225.Оп.1.Д.8.
2. Там же. Ф.205.Оп.1.Д.1778.
3. Там же.
4. Архивный отдел администрации Красновишерского муниципального района. Ф.1.Оп.1.Д.1.
5. Там же. Ф.205.Оп.2.Д.4.

РЕЛИГИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.Т. ШАЛАМОВА

Митракова Ираида Алексеевна,

*учитель истории муниципального бюджетного
образовательного учреждения средней общеобразовательной
школы №1, г. Красновишерск*

По своему характеру Варлам Тихонович Шаламов был атеистом. Можно удивиться такому отношению к церкви. Ведь он родился в семье священнослужителя, который долгое время был миссионером и служил в Америке, в качестве проповедника на Алеутских островах. Вся семья писателя была набожной и встает вопрос, почему и как произошло, что сам писатель не принял веру семьи. Возможно, это связано с веянием времени: новый уклад государства, новые лозунги, фанатизм по отношению к старому времени и желание жить по другому, сыграли важную роль в атеистическом воспитании молодого писателя.

В своей автобиографической повести о детстве и юности «Четвёртая Вологда» Шаламов рассказал, как складывались его убеждения, как укреплялась его жажда справедливости и решимость бороться за неё. Кристально-честный, бескомпромиссный, невероятно стойкий в своих нравственных принципах человек – он с удивительной последовательностью отвергал веру в Бога всю свою жизнь. Вот заявление В. Шаламова, сделанное на последних страницах его автобиографической повести «Четвертая Вологда»: «...Для Бога у меня в моем сознании не было места. И я горжусь, что с шести лет и до шестидесяти я не прибегал к его помощи ни в Вологде, ни в Москве, ни на Колыме».

С первых дней отбывания срока и до последних этот человек прошел через настоящий ад на земле. Трудно себе представить более вопиющее искажение всех норм и законов человеческого существования, чем те условия жизни, в которые попадали узники колымских лагерей. Казалось бы, в таких

страшных условиях даже неверующему человеку естественно было бы обратиться к Богу в молитве, попытаться найти в ней силы для того, чтобы элементарно выжить в этом кошмаре. Но Варлам Шаламов напротив гордится тем, что не прибегал к Божьей помощи даже на Колыме.

Читая произведения писателя, ловишь себя на мысли, что совсем он не отвергает религию. В некоторых произведениях звучат слова обращения к богу, и он дает характеристику именно людям, которые не просто верят в Бога, а прежде всего, удерживают эту веру в себе и поддерживают ею свою жизнь и достоинство. Его собственное безверие спокойно сосуществует с признанием достоинства религиозного человека. Хотя поводов и примеров для этого у него было более, чем достаточно.

Шаламов пишет: «Увидел, что единственная группа людей, которая держалась хоть чуть-чуть по-человечески в голоде и надругательствах, — это религиозники — сектанты — почти все и большая часть попов».

Из этого следует, что вера помогает людям оставаться людьми даже в самых нечеловеческих условиях. Но сам он в свой личный опыт это увиденное Божье действие не принимает и не вводит его в свою жизнь. Почему, будучи сыном священника, имея реальный опыт приобщения к религии, упорно цеплялся за собственное безверие.

Сравнивая произведения Варлама Шаламова, можно отметить, что в антиромане «Вишера» тема религии затрагивается гораздо меньше, чем в Колымских рассказах. Описывая Вишерский лагерь, писатель пишет о мироподобии лагеря. Это говорит лишь о том, что «Лагерь же — мироподобен. В нем нет ничего, чего не было бы на воле, в его устройстве, социальном и духовном». В «Колымских рассказах» Шаламов проверил свое неверие Колымой, и говорил о нем как знающий. Вера же многих его современников не прошла и тысячной доли тех испытаний, которые выпали на долю Варламу Тихоновичу. Сохранить веру в грядущих тяготах и бедах, кажется все же проще, чем сохранить неверие. Потому

что просить у Бога помощи не в пример легче, чем сознательно и упорно отказываться от нее.

Тем не менее, тема религии очень часто прослеживается в поэзии писателя.

Шаламов считал свою поэму «Аввакум в Пустозерске», написанную им в 1955 году через два года после своего возвращения из колымских лагерей, одним из своих самых важных поэтических произведений. В поэме Шаламова в судьбе старообрядцев звучит судьба жертв террора XX века. Подобно тому, как Аввакум стал для своих современников выразителем сопротивления внутри церкви, так и Шаламов создает своего лирического героя таким, чтобы тот мог выразить мучительный опыт тех, кто погиб в его собственную эпоху, участвуя в реальной оппозиции или в той, которая таковой воспринималась.

ВИШЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ И СТРОИТЕЛЬСТВО ВИШЕРСКОГО ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОГО КОМБИНАТА (АПРЕЛЬ 1929 – ЯНВАРЬ 1932 ГГ.)

Обухов Леонид Аркадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России и историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь

В статье рассматривается история Вишерского лагеря и строительства целлюлозно-бумажного комбината в период пребывания там В.Т. Шаламова. Отчасти эти сюжеты освещены в статье М. Рубинова и В. Шмырова [1], а также в публикациях автора [2,3].

В.Т. Шаламов прибыл этапом в Вишерское отделение УСЛОН ОГПУ 13 апреля 1929 г. Начальником лагеря на тот момент еще оставался Г. Ф. Муравьев, член партии с 1918 г. Но уже с 1 апреля 1929 г. нач. 3-го отделения спецотдела ОГПУ И.Г. Филиппов приказом АОУ ОГПУ был откомандирован в УСЛОН для назначения на должность начальника Вишерского лагеря [4. С. 185]. Однако процесс вступления в должность нового начальника затянулся и до конца июня Г.Ф. Муравьев оставался на Вишере. Возможно, на смещение Г.Ф. Муравьева повлияли его отношения со своим заместителем Антиповым, которого он характеризовал как склочника, за что тот, якобы, был выслан из Соловков [5. Л. 9об.]

В конце 1928/29 операционного года (финансовый год тогда начинался в октябре) Вишерский лагерь становится самостоятельным лагерем особого назначения (ЛОН). Следует отметить, что даже в официальных документах, относящихся еще к 1928 г. лагерь часто именовался «Вишерским концентрационным лагерем особого назначения» [6. Л. 19]. В

соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 июня 1929 г. все концлагеря предписывалось именовать «исправительно-трудовыми лагерями» [7. С. 62]. С середины 1930 г. Вишерский ЛОН стал называться ИТЛ.

В.Т. Шаламов прибыл на Вишеру, когда там происходили серьезные изменения как на строительстве, так и в лагере. В конце 1928 г. обострились отношения между партийной ячейкой и дирекцией строящихся заводов. Вопрос об этом рассматривался даже на районной партконференции. На Вишеру была направлена комиссия для разбирательства в ситуации. Партийка, и в этом ее поддерживал Чердынский райком партии, была недовольна тем, что дирекция широко использует на различных административных должностях заключенных, причем не только бывших, но и действующих, а местные партийные кадры не используются. Особое недовольство вызывал тот факт, что большинство из них были «казрами» (контрреволюционерами). Выдвигались даже обвинения в адрес Дирекции во вредительстве. Под предлогом секретности строительства партийка не допускалась к делам производства. По итогам работы комиссии в составе дирекции произошли изменения: был отозван А.Ф. Звиукш и вместо него вторым помощником главного директора назначен З.А. Алмазов. На ряд ответственных должностей в отделах дирекции были назначены старые партийцы: А.Н. Пемов – член партии с 1919 г., В.А. Балашев – член партии с 1917 г., Б.Ф. Любимов, Н.Д. Леханов (исключен из партии во время чистки в 1930 г.) (8. Л. 74об., 111, 113).

Ненормальные взаимоотношения были и между Лагерем и трестом ВИШХИМЗ. Это касалось, прежде всего, распределения рабочей силы, которую предоставлял лагерь и использования ее ВИШХИМЗом. Как отмечал на одном из партсобраний в мае 1929 г. председатель приемочной комиссии В.А. Балашов: «Плана работы у заводов не имелось, и работа велась с кондачка. С 1926 г. думают о постройке заводов, а планов до сих пор нет ...». [8. Л. 103-104]. Можно сказать, что

строительство до 1929 г. шло не шатко, не валко. С весны 1929 г. предполагалось начать большое строительство писчебумажной фабрики.

Серьезные перемены наметились после экстренного закрытого собрания членов ячейки Вишерских заводов и Вишерского отделения УСЛОН 31 мая 1929 г. На собрании присутствовала приехавшая на Вишеру представительная делегация: член Коллегии ОГПУ и начальник Спецотдела Г.И. Бокий, ответственный секретарь Верхнекамского окружкома ВКП(б) М.М. Темкин, главный директор ВИШХИМЗ Э.П. Берзин, его заместитель И.Г. Филиппов, начальник одного из отделов ОГПУ Л.Д. Вуль, начальник Верхнекамского отдела ОГПУ Розов, помощник прокурора Верховного Суда Яковлев, сотрудник ОГПУ Е.Е. Гоппиус и др. Г.И. Бокий – куратор лагерей ОГПУ, разъяснил вопрос о взаимоотношениях между лагерем и заводом. По его мнению, лагерь и завод, это своеобразный комбинат. Отсюда идея объединения лагеря и ВИШХИМЗа. В своем выступлении Г.И. Бокий дал ответ противникам использования труда бывших заключенных на заводе: «Наша задача не только карать преступников, но и исправлять их. Имеющийся у лагерей, особенно Соловков, опыт в этом богатый и удачный. Заключенные по освобождению из лагеря по ходатайству Советских органов Карелии остаются работать в ней. К нам из многих учреждений поступают требования дать того или другого работника из заключенных и никогда нигде не поднималось вопроса о том, чтобы запретить бывшим заключенным работать на предприятиях». В результате, собрание приняло постановление: «Считать целесообразным использование бывших заключенных для работы на Заводах» [8. Л. 125-125об.]

На этом же собрании Э.П. Берзин впервые поднял вопрос о реорганизации управления заводом и лагерем.

Однако и в 1929 г. активного строительства писчебумажной фабрики не началось, продолжались

подготовительные работы, основное внимание уделялось лесозаготовкам. К строительству приступили только с весны 1930 г. Объяснить это можно отсутствием бюджетного финансирования и тем, что в 1929 г. Э.П. Берзин вместе с гл. инженером Д.С. Соколовским и гл. механиком П.П. Кузнецовым выехали в Германию и США для закупки оборудования. Не было серьезных подвижек и в деле объединения лагеря и строительства. Только в декабре 1929 г. на бюро партячейки З. Алмазов выступил с информацией об объединении лагеря и ВИШХИМЗа. Сообщение было принято к сведению и предложено администрации лагерей ОГПУ и ВИШХИМЗа составить детальный проект о практическом слиянии [5. Л. 75-75об.].

Проект и смета рассмотрены Наркоматом финансов СССР, Госпланом и ВСНХ (НТС) и утверждены только в 1929 г. По бюджету ассигновано на строительство в 1929/30 году 5.500.000 руб., из них валюты около 700.000 т. руб. Строительство предполагалось закончить весной 1932 г. Одновременно на 1929/30 г. Цekomбанк выделил 1.000.000 руб. на постройку поселка (план и чертежи еще только разрабатывались). К строительству поселка приступили с 1 января 1930 г. Ассигнования на поселок должны были составить 3.500.000 р. В первую очередь предполагалось построить 54 дома 2-х этажных 4 и 8 квартирных, клуб на 1000 человек, школу на 375 чел. и больницу на 50 коек и прочие обслуживающие здания. Первую и вторую очередь поселка предполагалось закончить одновременно со строительством бумажной фабрики [9. Л. 94-94об.]

В 1929 г. СТО принял решение о передаче треста Вишхимз ОГПУ.

Помимо строительства важным направлением деятельности лагеря и ВИШХИМЗа были лесозаготовки и сплав леса. Радиус работы Вишхимзавода по сплаву был установлен от верховьев Урала до Баку. По притокам Вишеры и по самой

Вишере до Акчима осуществлялся молевой сплав, а далее в плотах [10. Л. 16-17]. В «Справке о количестве рабочей силы потребной для главнейших работ управления лагерями ОГПУ на 1930/31 г.» по УВЛОНу на постройке ЦБК предполагалось задействовать 6 тыс. рабочих, а на заготовке леса – 12 тыс. [13. Л. 61, 63].

24 марта 1930 г. объединенное бюро ВКП(б) ВИШХИМЗа приняло решение поручить М.К. Лимбергу (помощнику начальника лагеря) и А.Н. Пемову (начальник отдела снабжения Вишхимза) до разрешения вопроса об окончательном слиянии ВИШХИМЗа с УВЛОНам установить нормальные взаимоотношения в практической работе между аппаратом ВИШХИМЗа и УВЛОНа. Бюро признало правильной установку УВЛОНа на проведение политики премирования и материальной заинтересованности на работах среди заключенных, как дающих благоприятные результаты. [11. Л. 21-21об.]

На партийном собрании 7 апреля Э.П. Берзин выступил с докладом «Подготовка строительства целлюлозно-бумажной фабрики». Он отметил, что заказанное в Германии и СССР оборудование по срокам изготовления обеспечивает намеченный темп строительства фабрики. Основные строительные материалы: цемент, железо имеются в наличии, на другие материалы выделены фонды, местные материалы (камень, песок) заготовлены на месте. Основная проблема – недостаточная обеспеченность строительства инженерно-техническим персоналом (всего 20%), что грозило срывом сроков строительства. Собрание предложило дирекции принять меры к обеспечению строительства инженерно-техническим персоналом, в том числе из состава заключенных других лагерей, усилить подготовку квалифицированных рабочих (плотников, бетонщиков, арматурщиков, каменщиков) в УВЛОН [12. Л. 16].

17 июня бюро Вишерского партколлектива заслушало доклад заместителя директора Вишхимза Я.С. Лившица о ходе строительства фабрики. По мнению докладчика, трудности в строительстве, как отмечалось и ранее, вытекают из-за недостатка рабочей силы, прежде всего квалифицированных рабочих и техперсонала и отсутствие механизации работ. Но, несмотря на все недостатки, заявил Я.С. Лившиц, «мы будем и должны в нынешний сезон подвести все основные корпуса под крышу, в противном случае мы не сможем поставить оборудование, а это грозит удорожанию постройки». В принятой резолюции намечались мероприятия по линии усиления темпа работ: 1. Увеличение кол-ва занятых рабочих до действительных потребностей в связи с чем адм.партчасти УВЛОНа наряду с привлечением новой рабочей силы пересмотреть количество внутренней obsługi в сторону сокращения, перебросив ее немедленно на строительство фабрики;

2. Немедленно перевести работу строительства на непрерывку;
3. Пересмотреть как нормы, так и организацию работ заключенных, кои обеспечивали бы полную нагрузку работ для заключенных;
4. Пересмотреть систему премирования с целью поднятия норм приработка и премиальных для примерных артелей;
5. Считать необходимым воспретить использование на других работах заключенных, занятых на строительстве фабрики сверх рабочего дня....

На заседании обсуждался вопрос о слиянии отдела снабжения УВЛОН и ВИШХИМЗа и приняли решение, что снабжение УВЛОНа и ВИШХИМЗа должно быть единым, все техническое снабжение должно проходить через ту организацию, которая ведает строительством, предложить партчасти УВЛОН и ВИШХИМЗ разрешить вопрос относительно объединения отдела снабжения не позднее 15 июля 1930 г. [11. Л. 28-30].

26 июня уже на партсобрании Вишерского коллектива ВКП(б) с докладом о ходе строительства фабрики выступил Э.П. Берзин. Проблемы в строительстве остались те же: нехватка технического персонала и низкая квалификация. Кроме того, директор ВИШХИМЗа отметил, что «Москва не аккуратно дает чертежи потому, что наша фабрика целиком связана с границей. Нет той рабочей силы и квалификации, которые нам нужны. По строительству фабрики мы отстали на 1 месяц, но надежда догнать есть...» [12. Л. 28-28об.]

Судя по всему, не позднее ноября 1930 г. произошло наконец объединение лагеря и ВИШХИМЗа, а Э.П. Берзин, оставаясь Главным директором ВИШХИМЗа, стал начальником УВЛОН. Это следует из докладной записки Э.П. Берзина на имя зам. начальника УЛАГ ОГПУ М.Д. Бермана от 28 ноября 1930 г.: «Вам небезизвестно, что все время в Вишерских лагерях некомплект адм.-тех. и хозперсонала. Кроме этого тов. Коганом были высказаны соображения о том, что как тов. Пемов так и тов. Филиппов не соответствуют своим назначениям. Посему прошу Вас в самом срочном порядке заменить как Филппова, так и Пемова и пополнить наличный некомплект адмхоз работников УВЛОН дабы мы могли успешно справиться с возложенными на нас задачами» [14. Л. 251].

*Л.И. Коган – начальник УЛАГ ОГПУ с 17.06.1930 г.

Любопытно, что Э.П. Берзин не попытался даже как-то отстоять И.Г. Филиппова и А.Н. Пемова, которых хорошо знал и высоко ценил, не зря же потом он пригласил их на Колыму.

В конце 1930 г. немецкие специалисты приступили к подготовительным работам по монтажу. Но, как отмечал Э.П. Берзин « ... казусы ... получаются вокруг моей личности, как

это нач. лагеря и Глав. директор одно лицо, у кого они монтируют, у лагеря или у Вишхимза ..." [14. Л. 260].

3 января 1931 г. партячейка УВИТЛ по докладу нач. УРО Р.И. Васькова приняла решение договориться с администрацией лагеря об объявлении в приказе начала штурма с 1 января по 1 февраля 1931 г. и на это время отменить дни отдыха [15. Л. 67].

21 августа Э.П. Берзин на партийном собрании выступил с докладом «О ходе строительных работ и готовности к пуску комбината». Обещание пустить комбинат 1 августа не было выполнено. По мнению зам. директора по монтажу З.А. Алмазова причинами этого явилось отсутствие цемента около 5 недель, отсутствие квалифицированной рабочей силы и то, что не сумели организовать работу так, как нужно в таких условиях. Намечены две новые даты пуска: 15 сентября и 1 октября. Э.П. Берзин в заключительном слове поставил «боевую задачу» на быстрый пуск всего комбината 15 сентября [15. Л. 6-10]. Официальный пуск комбината состоялся только 30 октября 1931 г.

В.Т. Шаламов, как человек достаточно грамотный, большую часть своего пребывания в лагере работал на различных должностях в УРО (учетно-распределительный отдел) на строительстве Березниковского химкомбината и Вишерского ЦБК. В апреле 1931 г. В.Т. Шаламов по распоряжению начальника УРО УВИТЛ Р.И. Васькова был назначен заведующим УРЧ (учетно-распределительной части) Северного лесозаготовительного района в Усть-Улсе. Накануне в Северном районе была арестована группа заключенных, в основном работники УРЧ и бухгалтерии, по обвинению в антисоветской агитации. Главными обвиняемыми по делу проходили протоиерей В.Д. Фарфоровский и баптист П.Г. Алешко-Ожевский. Заведующий УРЧ Н.А. Дивавин обвинялся в покрывательстве казрам, за что был снят с работы. По мнению следствия, «под влиянием данной группировки работа УРЧ и

бухгалтерии до некоторой степени оказалась парализованной»[16. Л. 319].

В.Т. Шаламов был направлен в Усть-Улс для исправления ситуации. По его словам, в делопроизводстве УРЧ был полный хаос, учет работал совершенно ненормально, в использовании рабочей силы УРЧ не играла самостоятельной роли, работа по выявлению отдельных специалистов шла самотеком, имел место «блат». Любопытно, что В.Т. Шаламов отмечал «засоренность аппарата каэрами в части счетной и санитарной... Есть также каэры и на хоздолжностях» [16. Л. 51-51об.]

В.Т. Шаламов был досрочно освобожден в конце лета 1931 г., работал на ТЭЦ в Березниках и в январе 1932 г. уехал в Москву.

1. М. Рубинов, В. Шмыров. Вишлаг эпохи В.Т. Шаламова//Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории. – М., 2013.

2. Л.А. Обухов. История строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината// Хрупкая летопись: фотоальбом. – Пермь, 2012.

3. Из истории строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината и лагеря// Города «несвободы»: материалы международной научно-практической конференции. -Пермь, 2012.

4. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960: Справочник. – М., 1998.

5. ПермГАСПИ. Ф. 1015. Оп.1. Д. 25.

6. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 10а. Д. 417.

7. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960. – М., 2000.

8. ПермГАСПИ. Ф. 849. Оп. 1. Д. 202.

9. ПермГАСПИ. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 24.

10. ПермГАСПИ. Ф. 849. Оп. 1. Д. 287.

11. ПермГАСПИ. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 33.

12.ПермГАСПИ. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 32.

13. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2919.

14. Архив ФСБ. Ф. р-23257. Т.1.
15. ПермГАСПИ. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 35.
16. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14947.

ВИШЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ И В.Т. ШАЛАМОВ. ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ИСТОРИИ И СУДЬБЫ.

*Остальцев Константин Александрович,
заведующий архивным отделом
администрации Красновишерского муниципального
района, Красновишерск*

Вишерский край стал местом, куда многие тысячи людей попали не по своей воле, были сосланы в качестве спецпоселенцев, трудпоселенцев, оказались узниками Вишерского лагеря. Одним из заключенных Вишерского лагеря стал Варлам Тихонович Шаламов, обретший впоследствии известность, став писателем и, как его называли, первым летописцем ГУЛАГа.

События, которые привели к образованию Вишерского лагеря, повлиявшие на судьбы десятков тысяч людей, связаны со строительством Вишерского целлюлозно-бумажного комбината. Как же переплелись история Вишерского края и судьба Варлама Шаламова?

В 1924 году Варлам Шаламов уезжает из Вологды и поступает на работу дубильщиком на кожевенный завод г. Кунцево Московской области.

В том же 1924 году, в июне, в журнале «Бумажная промышленность СССР» была опубликована статья «Перспективы русской бумажной промышленности», в которой было отмечено, что «в СССР наблюдается резкий рост потребления бумаги, выявившийся с конца 1923 года», и что «необходимы средства не только для развития существующих бумажных фабрик, но и для постройки новых, чтобы покрыть теперешний и будущий спрос на бумагу» [1. С.285].

Позднее, в первом 5-летнем плане хозяйственного развития СССР целлюлозно-бумажное производство планировалось развивать на Урале, которое, как звучало в плане: «ввиду наличия здесь дешевого древесного сырья,

должно получить широкое распространение в предстоящем пятилетии».

В 1925 году Народным комиссариатом по военным и морским делам СССР было принято решение о строительстве Вишерских целлюлозно-бумажных химических фабрик и заводов. Был создан трест «ВИШХИМЗ», который первоначально относился к военно-хозяйственному управлению при начальнике снабжения Рабоче-Крестьянской Красной Армии [2. С.4]. Объясняется это тем, что целлюлоза была сырьем при производстве бездымного пороха.

Согласно архивным документам в ноябре 1925 года Народным комиссариатом по земельным делам тресту «Вишхимз» были переданы в аренду на 30 лет около 10000 квадратных километров лесных массивов в Верхнекамском регионе, в бассейне реки Вишеры и ее притоков [3. Л.11.об.].

В 1926 году в местечке Вижаиха создается 4 отделение Соловецкого лагеря особого назначения для подготовительных работ по строительству Вишерского целлюлозно-бумажного комбината.

В этом же, 1926 году, Варлам Шаламов поступает по направлению от завода на 1-й курс Московского текстильного института и одновременно по свободному набору — на факультет советского права Московского государственного университета. Выбирает МГУ.

В 1926 году начался подготовительный процесс строительства комбината. В этот период была создана проектная ячейка «ВИШХИМЗ», проведены изыскательские работы, экономические расчеты целесообразности строительства, сделана оценка количества и качества древесины, необходимой для производственного процесса, проведено исследование качества воды реки Вишеры, построены механическая и деревоотделочная мастерские, кирпичный и лесопильный заводы, другие подсобные предприятия. Создан лагерь ОГПУ.

В 1927 году главным директором строительства «ВИШХИМЗа» был назначен Эдуард Петрович Берзин, сотрудник Объединенного Государственного Политического

Управления (ОГПУ) при Совете Народных Комиссаров (правительстве) СССР.

Это был старый чекист, участник гражданской войны, воевавший в дивизии латышских стрелков.

Берзин сумел организовать труд заключенных лагеря, вольнонаемных рабочих и специалистов и выполнить поставленную задачу. Сразу после постройки ВЦБК, в ноябре 1931 года Берзин был назначен начальником треста «Дальстрой». В 1935 году награжден Орденом Ленина. Впоследствии Берзина постигла судьба многих людей того времени. В 1937 году он был арестован якобы за антисоветскую деятельность и расстрелян в 1938 году.

В 1927 году Шаламов участвует в демонстрации оппозиции к 10-летию Октября, проходившей под лозунгами «Долой Сталина!» и «Выполним завещание Ленина!».

В 1928 году решением Совета Труда и Оборона СССР Вишерский комбинат задним числом был включен в первый пятилетний план хозяйственного развития СССР, получил порядковый номер – 518-й [2. С.5]. Предпосылками такого решения послужили следующие:

наличие большого количества древесины – главного сырья в целлюлозно-бумажном производстве;

наличие хорошего качества без содержания железа воды реки Вишеры;

наличие хорошего качества и дешевого известняка и доломитов, необходимых для производственного процесса;

возможность спуска щелоков непосредственно в реку Вишеру, так как вниз по течению на протяжении 75 км. не было ни одного населенного пункта;

близость Березниковского химзавода – поставщика химикатов;

наличие площадки разрушенного Вижаихинского чугуноплавильного завода, на которой удобно строить комбинат;

наличие достаточно оборудованных кирпичного и лесопильного заводов, механической и деревоотделочной мастерских, других подсобных предприятий;

наличие большого количества рабочей силы, обеспеченной жилыми помещениями - лагерь ОГПУ;
наличие конного и водного транспорта;
возможность по вышеназванным причинам постройки ЦБК в более короткие сроки, с затратой меньших средств [3. Л.11.об., 12].

Наличие лагеря ОГПУ было одной из главных причин выбора места для комбината. В истории развития и становления Вишерского края, а значит и Красновишерского района, Вишерский лагерь ОГПУ, существовавший с 1926 по 1934 годы сыграл большую роль.

В докладе на конференции «Города несвободы» Л.А. Обухов приводит слова Глеба Бокия, члена Коллегии ОГПУ, в его выступлении перед коммунистами: *«...военвед начал постройку завода только потому, что ОГПУ согласилось организовать тут лагерь для использования рабочей силы заключенных; это своеобразный комбинат: не будь здесь лагеря, не было бы и завода, не начни военвед постройки заводов, не было бы смысла открывать тут лагерь»* [4. С.46].

Основные этапы истории Вишерского лагеря:

- 1926 год – на Вишере создано 4-е отделение Соловецкого лагеря особого назначения ОГПУ;
- 1928 год – 4-е отделение реорганизовано в Вишерский лагерь особого назначения ОГПУ;
- 1929 год – УВЛОН ОГПУ реорганизован в Управление Вишерского исправительно-трудового лагеря ОГПУ;
- 1934 год – УВИТЛ ОГПУ ликвидирован после постройки ВЦБК.

В структуру Вишерского лагеря входили:

1 отделение - Вижаихинское, находившееся на территории Красновишерска;

2 отделение – Ленва находилось в Березниках на строительстве химического комбината;

3 отделение – УстьУлс – находилось на севере Вишерского края; Шаламов называет его «Вишерский штрафняк» и самым тяжелым местом для арестанта на Вишере;

Красновишерское лесное отделение находилось восточнее Красновишерска – это будущие поселки лесозаготовителей – Светлый, Северный, 31-й, Песчанка, Каменка;

отдельная командировка Вишерского лагеря находилась в Перми;

Кизеловское отделение по добыче угля - открыто в 1932 году ;
отделение «Камбумстрой» - начинало строительство Краснокамского ЦБК.

Первое (Вижаихинское) отделение Вишерского лагеря (Шаламов называет его всегда Вижаиха) находилось на территории поселка «ВИШХИМЗ» позднее – Красновишерска. Оно отмечено на всех планах поселка до 1934 года.

На Генеральном плане первого отделения УВИТЛ ОГПУ, датированном 1932 годом, видно, что на его территории находились около 80 деревянных зданий, из которых 60 были бараки. Именно это отделение Шаламов описывает в антиромане «Вишера»: «Нас привели в новый чистенький барак, нары везде сплошные. Такой типовой барак был рассчитан на арестантскую роту в 250 человек».

В апреле 1929 года в составе очередного этапа заключенных в первое отделение Вишерского лагеря прибыл Варлам Шаламов, который, будучи студентом Московского текстильного института, участвовал в оппозиционном движении и был арестован за распространение листовок «Завещание Ленина» (известного также как статья Ленина «Письмо к съезду»). Шаламов находился в Вишерском лагере до октября 1931 года. Свое пребывание в Вишерском лагере он описал позднее в антиромане «Вишера» и в некоторых рассказах.

Количество заключенных Вишерского лагеря постоянно увеличивалось – с 1200 в 1926 году до 38000 в 1932 году. Сначала в связи с активизацией строительства завода, затем в связи с увеличением масштаба лесозаготовок. Позднее в связи с тем, что расширялась география Вишлага. Его заключенные строили «ВИШХИМЗ», Березниковский химкомбинат, занимались лесозаготовками, сплавом леса, добывали уголь в

Кизеловских шахтах, начинали строительство Краснокамского целлюлозно-бумажного комбината.

Как писал Шаламов в одном из своих рассказов: «Лагерь же – мироподобен. В нем нет ничего, чего не было бы на воле, в его устройстве, социальном и духовном». Так в структуре Вишерского лагеря было создано сельскохозяйственное отделение (сельхоз), задачей которого было обеспечение лагеря продовольствием. В сельхозе велись работы по опытному земледелию в Вишерском крае; В рассказе «Шан-Гирей» Шаламов описывает человека, который руководил сельхозом – Александр Александрович Тамарин-Мирецкий. После закрытия лагеря Сельхоз стал основой для создания опытного поля в Красновишерском районе.

В лагере был построен кинотеатр, носивший безликое название «Кинотеатр УВЛОН ОГПУ» по своей принадлежности. Сам кинотеатр безликим не выглядел. Через него лагерь выполнял воспитательную, культурно-просветительскую функции и приобщал заключенных к советскому кино, которое, по словам В.И. Ленина, является «важнейшим из искусств, пока народ безграмотен».

В 1934 году после закрытия лагеря на его месте в Красновишерске был создан поселок имени Максима Горького. Шесть улиц этого поселка в 1935 году тоже получили имя этого пролетарского писателя: 1-я им. М. Горького, 2-я им. М. Горького и так до шестой [5. Л.68]. Несмотря на то, что после закрытия лагеря прошло несколько десятилетий, само понятие «лагерь» по-прежнему осталось в сознании жителей Красновишерска. Микрорайон, где находился лагерь, давно утратил имя М. Горького, но до сих пор в народе его так и называют - лагерь.

Роль Вишерского лагеря заключалась еще и в том, что заключенные, используемые в качестве рабочей силы, осваивали территорию Вишерского края. Десятки поселков возникли на местах бывших лагерных командировок и стали базой для будущей лесозаготовительной отрасли Красновишерского района

Главное предназначение лагеря – строительство Вишерского целлюлозно-бумажного комбината. Промышленное строительство которого началось в апреле 1930 года и завершилось в октябре 1931 года.

Фотографии тех лет позволяют окунуться в атмосферу строительства, увидеть, как вырастали цеха комбината, как шел монтаж оборудования, и самое главное - увидеть лица людей, которые строили комбинат и работали на нем в последующие годы. Комбинат был построен за 18 месяцев и пущен в эксплуатацию 1 ноября 1931 года [3. Л.13.]. В 1930 году, в период активного строительства комбината, Шаламов работал во 2 отделении лагеря – на строительстве Березников.

Дорогой ценой оплачено строительство Вишерского комбината. Тысячи заключенных Вишерского лагеря погибли здесь. Вишерцы свято чтят их память.

Параллельно комбинату велось проектирование и строительство поселка «ВИШХИМЗ», который должен был вместить в себя всю инфраструктуру комбината и обеспечить его работу.

Строились улицы, которые, хотя и малоузнаваемые на снимках 30-х годов, известны жителям города и в настоящее время.

Деревянные рубленые жилые дома строились нескольких типов: 4-х квартирные одноэтажные, 8-квартирные и 12-квартирные – двухэтажные [3. Л.35.].

Другие улицы на снимках хорошо узнаваемы. Некоторые из них мало изменились с 1930 года, например, улицы Вишерская и Красноармейская, на фотографиях 1930 года называемые «Городок» [6], в последующее время получившие народное название - Десятидворка и носящие его до сих пор.

На этих улицах стоят те же дома, которые запечатлены на снимках 1930 года, только подвергшиеся некоторым переделкам и ремонту.

В январе 1931 года поселок «ВИШХИМЗ» получил официальный статус рабочего поселка и наименование Красно-Вишерск. Поначалу название поселка писалось через дефис. В

январе 1931 года был избран поселковый Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [7. Л.1-3.]. Красновишерск и весь Вишерский край входили в состав Чердынского района Уральской (с 1934 года – Свердловской, с 1938 года – Пермской) области. Варлам Шаламов в это время находился под следствием и был помещен в изолятор. Позднее он был отправлен в Северное отделение лагеря – в Усть-Улс. Шаламов был освобожден в октябре 1931 года. В 1932 году он возвращается в Москву.

А в это время жизнь в Красновишерске постепенно входила в свое русло. Было положено начало советским традициям, таким как Первомайские демонстрации [8. Л.1.], которые проходят в городе до сих пор.

Строились первые кирпичные здания. В одном из них располагались поселковый Совет, почта, аптека и продовольственный магазин [9 Л.1.]. Здание стоит в Красновишерске и в настоящее время.

Руководством поселка составлялись проекты будущего устройства Красновишерска. В 1932 году архитектором-художником Тиминским был составлен план-проект Красновишерска [10. Л.1.], согласно которому он должен был стать городом-садом с населением только в первоначальном варианте 50 тысяч человек. К сожалению, проект во многом не реализован.

Шло дальнейшее развитие экономики Вишерского края. В 1932 году был создан Красновишерский леспромхоз, главной задачей которого стало обеспечение бумкомбината древесным сырьем. Первым директором леспромхоза был назначен молодой коммунист А.Л. Козлов [11. Л.1].

Леспромхоз, как когда-то и Вишерский лагерь, сыграл огромную роль в развитии Вишерского края. Он продолжил деятельность лагеря по развитию лесозаготовительной отрасли в Вишерском крае.

Вишерский лагерь был закрыт в 1934 году [4. С.56].

Однако лагерная система еще многие годы не оставляла наш район. Так в 1938 году был образован «Усольлаг», 8

отделений которого находились на территории Красновишерского района.

В Красновишерском районе долгое время в статистических документах были отмечены представители так называемой ссылки. Так, например, документ «Сведения о наличии населения по Красновишерскому району на 17 января 1939 года» был составлен по результатам переписи населения, проведенной в 1939 году. В документе показано количество населения в Красновишерском районе, в составе которого отдельно показаны трудпоселенцы – около 9 тыс. человек [12. Л.1].

В период с 1932 по 1937 годы В.Т. Шаламов живет в Москве, начинает писать рассказы. Один из первых рассказов – «Карта» посвящен Вишеру.

В январе 1941 году был образован Красновишерский район на основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 января 1941 года «Об образовании новых районов в составе Молотовской области» путем разукрупнения Чердынского района [13. Л.1]. В июле 1942 года поселку Красновишерску был присвоен статус города [14. Л.6]. В. Шаламов в эти годы находится в заключении, работает в лагерях Колымского края. Он арестован в 1937 году за «контрреволюционную троцкистскую деятельность».

После Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г. в Красновишерском районе все еще присутствуют последствия политических репрессий. В докладе Красновишерского райисполкома за 1946 год было отмечено, что «на территории района имеются: ссылка бывших кулаков в количестве 5429 человек, переселенцы из Крыма – 4631 человек, мобилизованные немцы – 860 человек – всего **10920** человек, которые работают в большинстве в леспромхозе. В самом центре города находится лагерь НКВД, где проходят проверку красноармейцы, находившиеся в плену» [13. Л.62-63].

Срок заключения В.Т. Шаламова закончился только в 1951 году. В 1953 году он возвращается в Москву. В 1956 году реабилитирован за отсутствием состава преступления. В 1954

году он начинает работать над первым сборником рассказов колымского цикла. В 60-е годы пишет несколько рассказов о пребывании его в Вишерском лагере. Из его творчества видно, что он интересовался жизнью Вишерского края. Рассказ «Алмазная карта», действие которого происходит в 1931 году, завершается словами: «Алмазы на Вишере нашли только через тридцать лет». Именно в 1961 году в Красновишерске было создано управление прииска «Уралалмаз». В 1971 году Шаламов написал антироман «Вишера». То есть, память о Вишерском крае прошла через всю его жизнь.

В архивном отделе хранится только одна фотография Варлама Шаламова в составе группы людей в 1931 году [15. Л.1]. Но вся страна имеет творческое наследие писателя, в котором значительное место уделено Вишерскому краю!

1. Н. Бельский. Перспективы русской бумажной промышленности//Бумажная промышленность. №6. – Москва, июнь1924.
2. Л.А. Обухов. История строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината. // Хрупкая летопись: фотоальбом. – Пермь, 2012.
3. Архивный отдел администрации Красновишерского муниципального района. Ф.205.Оп.1.Д.1778.
4. Л.А. Обухов. Из истории строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината и Вишерскоголагеря.// Города «несвободы»: материалы международной научно-практической конференции. - Пермь, 2012.
5. Архивный отдел администрации Красновишерского муниципального района. Ф.21.Оп.1.Д.17.
6. Там же. Ф.187.Оп.3.Д.21,406.
7. Там же. Ф.21.Оп.1.Д.2.
8. Там же. Ф.187.Оп.3.Д.413.
9. Там же. Ф.187.Оп.3.Д.403.
10. Там же. Ф.187.Оп.3.Д.418а.
11. Там же. Ф.112.Оп.1.Д.1.
12. Там же. Ф.50.Оп.1.Д.2.
13. Там же. Ф.1.Оп.1.Д.1.
14. Там же. Ф.21.Оп.1.Д.35.
15. Там же. Ф.187.Оп.3.Д.424.

НЕМЦЫ НА ВИШЕРЕ В XX ВЕКЕ

*Пенькевич Надежда Александровна,
член семьи репрессированных немцев Поволжья*

Немцы в Вишерском крае появились еще в конце 20-х – начале 30-х г.г. XX века. Одни из них работали на Вишерском целлюлозно-бумажном комбинате в качестве специалистов [1. Л.258]. Другие были раскулачены и высланы на Урал [2. С.82-84]. Об этом свидетельствуют различные архивные документы.

Массовый приток советских немцев на территорию Молотовской области приходится на 1941-1942гг. Область испытывала огромный дефицит рабочей силы. Местные руководители просят Москву прислать трудармейцев для использования в лесной, нефтяной и угольной промышленности, а также в строительстве. В то время как другие контингенты создают колонны и батальоны в составе национальных формирований и отправляются на фронт (латыши, эстонцы), трудовая армия становится немецкой. В её составе и мужчины и женщины. Всех мужчин перевели на лагерный режим, а женщины были размещены в обособленных бараках. Но используют и тех и других на самых тяжёлых, неквалифицированных работах. Образование и дипломы не учитывались.

Эти трудармейцы призывались через военные комиссариаты. В рабочих колоннах трудармейцев Молотовской области насчитывалось до 40 тысяч немцев. Они работали в системе НКВД на лесоповале, в шахтах Кизела, Гремячинска, строили в Соликамске завод «Урал» и ЦБК, Широковскую и Камскую ГЭС. Они жили в тяжелейших условиях. Обычно пополнение привозили под зиму. Вначале жили в брезентовых палатках, спали не раздеваясь. Потом строили для себя бараки с трёхэтажными нарами. Их селили вместе с уголовными заключёнными. Смертность была высокая, особенно в конце 1942 и в 1943 годах. Умерших зимой, в лютые морозы,

складывали штабелем пока в снег, а весной уже хоронили в общие могильники.

Трудармия длилась по март 1946 г. Потом немцы стали спецпоселенцами. Почти каждый трудармеец начинал свои воспоминания с депортации немцев из Поволжья, когда вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.08.1941г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Сегодня этот день является днём национальной скорби для Российских немцев, которых без объявления причин, одномоментно сорвали с обжитых мест, разлучили с близкими, отправили в дальние края страны – Сибирь, Казахстан, Урал, насильно мобилизовали в трудармию. Республику немцев Поволжья полностью ликвидировали. Её территорию поделили между Саратовской, Самарской и Сталинградской областями.

Депортация проходила в большой спешке. По Указу на сборы давалось двое суток, но на деле давали только сутки, иногда и меньше. На депортацию отводилось всего три недели: с 1-20 сентября 1941г. Но в виду нехватки грузовых вагонов выселение продлилось до ноября. Когда людей привозили на Урал, в Алтайские и Казахские степи, то там уже была зима. Многие умирали в вагонах от голода, холода и болезней. Их хоронили и на полустанках и в степи без указания фамилии. Расселяли народ по пустым и заброшенным домам, или подселяли в одинокие семьи. Но местный народ не везде был настроен дружелюбно и не пускали на квартиры немцев. Тогда им приходилось рыть землянки, лепить печи и зимовать в таком жилище с детьми. Топили печи травой, которую собирали из-под снега, какими-то корнями от малочисленных кустарников. Были сердобольные люди, которые делились с немцами старенькой одеждой, подкармливали детей. Но основная масса людей вымирала от голода и холода, обморожения, даже целыми семьями.

С января 1942 года вышел Указ о призыве в трудовые колонны через военкоматы, якобы на фронт, чтобы народ шёл «с радостью бить врага». На самом деле это была трудармия в системе карающего органа НКВД. Все мобилизованные,

особенно немецкие мужчины, находились под охраной и за колючей проволокой. Мобилизации подлежали все мужчины от 18 до 55 лет. Но забирали от 16 и до 60 лет. Нарушения на местах никем не пресекались и не контролировались. Бывало, что уводили из семьи последнего кормильца. Мать вынуждена была оставлять детей и грудного ребёнка и искать работу, чтобы прокормить семью. Если не находилась работа, то бродили по сёлам и деревням, попрошайничали и меняли последнее, что ещё оставалось от привезённого. Затем, с 1943 года, стали мобилизовать и девушек от 16 лет, молодых женщин, у которых были дети старше 3-х лет и одиноких, пожилых женщин до 50 лет. Везли во все концы страны: на строительство стратегических объектов, заводов, на лесоповал, в рыболовецкие артели, на сплавные рейды, в колхозы.

Местное население во всех местах, куда привозили немцев, думало, что это немцы из ненавистной Германии и по незнанию ненавидело их. Многие обзывали их «немцами рогатыми», «фрицами», а кто и «фашистами». В русские и казахские сёла и деревни шли с фронтов похоронки, ненависть к фашистам хлестала через край. Разбираться никто не хотел, что это за немцы и откуда они.

Отдельные немецкие семьи появились в Красновишерском районе ещё в 30-х годах прошлого века, когда массово ссылались раскулаченные зажиточные семьи. Тогда считали так: если имеешь корову, лошадь и плуг – ты уже кулак, богач. А в стране большевиков «не хорошо быть богатым» (слова революционеров). Но так, как немцы считались трудолюбивым народом, то иметь в наличии скот была необходимость. Не все семьи желали идти в колхозы и отдавать своё имущество. Некоторые остались единоличниками. Но власть на местах не могла спокойно смотреть на то, что рядом с бедствующими колхозами жили преуспевающие хозяева. «Не хотите идти добровольно в колхоз, тогда поедите в Сибирь» - так появились Указы «о раскулачивании». Дома, скот и всё нажитое отбиралось, а семьи «непокорных» выселялись в Коми, на Урал и в Сибирь. Их селили в посёлках, где они рубили себе

дома, а в Красновишерске в освобожденные бараки от заключенных, которые построили бумажный комбинат и были переброшены на другие стройки. Работали на лесоповале, в колхозах, на комбинате. Немцы считались спецпереселенцами. Постепенно привыкали к уральской погоде, обживались. Местные жители уважали их за трудолюбие и аккуратность. Везде, где проживали немцы, был во всем образцовый порядок.

С мая 1945 года стали завозить партиями немцев – трудармейцев из различных лагерей ГУИТЛ НКВД, где они находились в трудармии на строительстве различных объектов. Все, кто с трудом дожили до победы в ужаснейших условиях того режима и приближали победу своим самоотверженным трудом, были отправлены на Урал, на Дальний Восток, в Магадан и Сибирь. Они стали спецпоселенцами под надзором комендатур НКВД. Привезли трудармейцев и на Вишеру, в количестве 860 человек [3. Л.62]. На огромной барже их везли из Соликамска вверх по Вишере, высаживая группами в посёлках и деревнях. Самая большая группа в количестве 200 человек была оставлена в Красновишерске. Жили тоже в бараках. Работали на комбинате, в сплавном рейде, в лесу, в колхозных артелях Опытного поля и в Затоне. Остальных развезли по деревням и лесным посёлкам вверх по реке. Временно расселяли по домам колхозников. Раз в месяц они отмечались в комендатуре. Выезжать из района не имели права. Даже в больницу можно было съездить только по письменному разрешению коменданта. Местному населению доводилась информация о немцах, как о заключенных или как о «пленных фашистах». Опять разжигалась ненависть и презрение к «невинному» народу.

Затем вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.11.1948г. о том, что все немцы «оставлены в местах спецпоселения на вечное поселение, без права возвращения на родину и без компенсации утраченного имущества». Теперь они были окончательно лишены родины и права быть немцами. Им запрещалось петь свои песни, разговаривать на своём языке, проводить свои религиозные обряды и исполнять свои

традиции. Если создавались семьи, то без права регистрации брака. Родившиеся дети тоже считались под репрессией и их тоже отмечали в комендатуре. Немцы стали самым бесправным народом. Лишившись родины, родных, своих семей, они продолжали считаться изгоями. Они нигде не находили утешения и хоть маленькой надежды на лучшую жизнь. Но со временем местный народ сам понял, что это за люди. Стали их уважать за трудолюбие, за аккуратность, за доброе отношение к местным, за их рационализаторские способности. Сколько нового они привезли в своих головах и воплощали здесь. Большой вклад они внесли и в развитие всего района. Строились посёлки, учреждения культуры и быта, расширялись леспромхозы. Но их всё равно тянуло на родину, к своим корням. С января 1956 года их вывели из-под надзора комендатуры. Некоторые сразу стали уезжать, опять же в места депортации, в те места, куда они были депортированы из Поволжья и других республик СССР в сентябре 1941 года. Другого места жительства им не предоставлялось. Правительство не спешило восстанавливать порушенную Республику немцев Поволжья. Бесчисленные попытки и просьбы восстановить Республику ни к чему положительному не привели. Не найдя места в родной стране, народ стал выезжать на родину предков, в Германию. Основной поток пришёлся на 90-е годы прошлого века. Из Красновишерского района тоже выехало около ста семей. Несколько семей вернулись на Кавказ, на Ставрополье, на Украину и в Латвию. Это те, которые были репрессированы и выселены из тех мест и им разрешили вернуться в 1960-х годах обратно туда.

Большую ценность для исследования этой темы представляют воспоминания ещё живых очевидцев и их потомков. Мы слышим их голоса, которые передают их чувства, детали быта и условий жизни, своё восприятие реальности сурового военного времени.

Мой отец – Кирхенрейдер Александр Яковлевич родился в 1924 году в селе Фольмер, Саратовской области в Республике немцев Поволжья. Жили они хорошо. Имели большой

добротный дом, огород 12 соток, корову, две лошади, свинью, овец и домашнюю птицу. Всем этим хозяйством управляли родители. Подростки дети трудились с семи лет вместе с ними. В 1933 году в их селе организовали колхоз. Началась насильственная коллективизация. К тому же начался сильный голод. Народ вымирал семьями. Семья деда переехала в Камышинский район Сталинградской области в совхоз «Пионер». Там деда приняли в компартию и поставили бригадиром в МТС. В 1938 году умерла мать моего отца при родах. Грудной ребёнок остался жив. Дед снова женился, т.к. надо было поднимать маленького брата. В 1940 году умирает дед. Моему отцу 16 лет. И его мачеха отправила учиться в школу ФЗУ при Сталинградском тракторном заводе. При заводе кормили три раза и проживали в общежитии завода. В 1941 году отец закончил обучение на токаря и его оформили в секретный цех № 221, где он вытачивал снаряды. Но началась война. Отца вместе с другими мальчишками – немцами забрали и отправили на барже до Гурьева (сейчас г. Атырау, Казахстан), а оттуда поездом в Восточный Казахстан, рядом с Китайской границей. Ребятам сказали, что всех из Поволжья «эвакуировали» ввиду быстрого приближения немецких войск, чтобы они не угнали весь народ в Германию. Устроили их работать на золотой рудник Маралиха, в шахту. Отец катал наверху тачки с отвалом. В 1942 году, кому исполнилось 18 лет, мобилизовали их в армию. Они так были рады, что идут на фронт. Но, когда привезли их на место, они увидели в два огромных ряда бараки за колючей проволокой с вышками по углам, собаки, конвой и лозунги, призывающие трудиться для победы. Это была трудовая колонна в составе НКВД. В бараки «заселили» по 200 человек. Спали на трёхъярусных нарах, застланных соломой. Кругом в стенах дыры, крыша течёт, а зимой были лёд и куржаки по стенам. Обогревался барак двумя печками, от которых было мало тепла, что даже не просыхала мокрая одежда. Спали все одетыми. На зиму ватную одежду им привозили с фронта, с убитых солдат, потому что многие телогрейки были в дырах от пуль, местами была засохшая кровь.

Но выбирать не приходилось. Когда своя обувь изнашивалась, то стали выдавать лапти с галошами или ватные чуни с галошами. Редко кому доставались сапоги, а валенки совсем не давали. Одежда с умерших трудармейцев тоже шла в оборот, потому что мертвецов кидали в могильник голыми. Строили железную дорогу от Ульяновска на Сталинград. Еды давали мало. Нормы выработки большие. Голод и холод косили народ. А вши настолько сжились с ними, что уже и не замечали их. Была всего одна баня. Очередь до каждого барака доходила только через 20-22 дня. Была ещё вошебойка, там выпаривали их нижнее бельё, у кого было. За две зимы 1942 и 1943 года умерло около 6 тысяч немцев. Отец выжил только благодаря многочисленным лягушкам, которые сами звали на болото отведать их мяса. Жарили на костре. Кто ел лягушек, те и выжили. Но привозили всё новых и новых, даже девушек и женщин до 50 лет. Кто дожил до Победы, тех отправили в мае 1945 года на Урал, в Молотовскую область на спецпоселение. Привезли в Соликамск несколько эшелонов живых скелетов. Затем их по Вишере на барже развезли по деревням и посёлкам. Отца с группой в 30 человек привезли в деревню Писанку. Никто их на постой не взял. Жили в амбаре до осени. Все от них бежали, как от чумы, обзывали, кидали палками и камнями. А им нельзя было с местными конфликтовать. Но осенью, когда всем напилили дров на зиму, наготовили и вывезли сено для коров, залатали крыши, убрали урожай в поле и у селян, местные стали уважать немцев и разбирать по домам. Так и жили там, в тайге до 1948 года. Раз в месяц приезжал комендант отмечать немцев. Никуда им самовольно нельзя было отлучиться, считалось побегом и давали 20 лет каторжных работ на Колыме. А когда объявили вечное поселение, то они стали жениться на местных девчатах и создавать семьи. Браки не регистрировались. Отец женился на фронтовичке Зое Соловаровой, которая с 1943 по 1946 гг. прослужила в армии шофёром. Это стало уникальным событием, когда русская девушка – фронтовичка вышла замуж за репрессированного поволжского немца. Радовался даже комендант Александров. В 1948 г. отец с мамой и старшим

братом Толей переехали на посёлок Нижний Родник. Родители расписались только в 1956 году. Создали большую семью, вырастили шестерых детей. Отец так и умер репрессированным, в 63 года, в 1988 году, не дожив до реабилитации. Его реабилитировали в 2000 году, а вместе с ним и нас, пятерых детей, рождённых по 1955 год. Потерял он всё: родину, куда ему была закрыта дорога; младшего брата; и всех родственников, которых депортация раскидала по всей стране. Все его друзья выехали в Казахстан, на Алтай и в Киргизию. Отец решил остаться здесь. Родиной ему стал Урал.

В посёлке Нижний Родник проживало около 30 семей немцев – трудармейцев. Многие помню пофамильно, например: Каухер Александр Фридрихович, 1895г.р. тоже из Поволжья. Его семью в количестве 11 человек погрузили на ст. Красный Кут 6-го сентября 1941 года, как и все немецкие семьи в «телятники» совсем не оборудованные под перевозку людей. В вагоны заталкивали по 50-60 человек. Многие при погрузке терялись и попадали в разные вагоны. Их семья попала вся вместе, благодаря самому дяде Саше. (Я его звала дядей Сашей, потому что он был моим крёстным). Их привезли на семнадцатые сутки в Казахстан, в Акмолинскую область, село Камышинка. По дороге старые родители дяди Саши и двое детей умерли от тифа, потому что грузили и больных. Добывал ещё и голод и холод. Их где-то схоронили в поле, была небольшая стоянка, чтобы похоронить заразных больных, даже не подписали на доске, кто здесь похоронен, и не дали никакого документа на руки. Приехали из их семьи семь человек. В декабре 1942 г. дядю Сашу забрали в трудовую колонию в Челябинск. В январе 1943 года забрали их старших сыновей 17-ти и 16-ти лет. Их отправили в Красноярск на рудники. Там они и погибли. В конце 1943 года забрали и его жену Амалию, потому что младшему исполнилось три года. Был такой Указ, что «если ребёнку исполняется три года, то мобилизовать и мать. Её увезли в Коми на строительство шахт, где она тоже погибла от непосильного труда и голода. Трое детей остались на поселении одни. Их никто не взял ни в одну семью. «Дети

фашистов» скитались по сёлам и деревням в поисках еды и тепла. Отоцавших, их подобрали и отправили в ближайший детдом. Но после войны дядя Сапа их так и не нашёл ни в одном детдоме. В 1955 году он сошёлся с одинокой вдовой Черенковой Розой и в 1957 году они уехали на Алтай к брату дяди Сапы.

В поселке проживали и другие немцы. Два брата Грин – Иван Иванович и Александр Иванович, Кноль Иван Андреевич, Цейтлер Готлиб Каспарович, Шефер Конрад Яковлевич, Шафер Фёдор Яковлевич, Шталер Иван Эдуардович, Брайнигер Фёдор Фёдорович, Лейнекер Михаил Адамович, Винтерголер Карл Карлович, Шрайбер Генрих, Вурц Альберт Яковлевич, Дурбан Иван Яковлевич, Дурбан Климентий Яковлевич, Беккер Климентий Иванович, Беккер Фердинанд Иванович, Фишер Рудольф, Гельберт Яков Яковлевич, Ромель Фёдор Христианович, Ели Иван Александрович, Бриль Иван Андреевич.

1. Архивный отдел администрации Красновишерского муниципального района. Ф.205.Оп.2.Д.1.
2. Немцы в Прикамье. XX век: Сборник документов и материалов в 2-х томах. Том 1. Архивные документы. Книга 2. Изд. «Пупка», г. Пермь. 2006. С.82-84.
3. Архивный отдел администрации Красновишерского муниципального района. Ф.1.Оп.1.Д.1.

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА КРАСНОКАМСКОГО ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОГО КОМБИНАТА И Г. КРАСНОКАМСКА В 30-Е ГОДЫ

*Семакина Татьяна Рамилевна,
главный хранитель МБУК «Краснокамский краеведческий
музей», Краснокамск*

Основание города Краснокамска связано с началом строительства Камского целлюлозно-бумажного комбината. В 1929 г. была выбрана площадка для строительства комбината и рабочего поселка между деревнями Стрелка и Конец-Бор, в 1930 г. состоялась закладка комбината. Посёлок первоначально назывался Бумстрой, а в 1933 году ему присвоили имя Краснокамск и статус посёлка городского типа. Уже в 1938 году Краснокамск получил статус города. По масштабам производства Камский ЦБК, давший первую продукцию в 1936 г., был самым крупным в Европе. Сооружение комбината способствовало возникновению Закамской ТЭЦ, бумажной и печатной фабрики «Гознак», сульфитно-спиртового завода.

На первоначальных этапах строительства Камского целлюлозно-бумажного комбината помимо вольнонаемных рабочих, к стройке привлекалось большое количество спецпереселенцев и заключенных в качестве рабочей силы, которую в основном использовали как черной работы.

В мае 1930 года около одной тысячи спецпереселенцев – мужиков с Дона и Кубани – вели здесь валку леса для стройплощадки будущего комбината и рабочего поселка, копали первые котлованы для варочного и кислотного цехов. Они же строили первые бараки поселка Соломиты и обносили их проволочными заграждениями в два ряда с вышками для часовых.

Строительство поселка Соломиты было развернуто на территории между нынешней ТЭЦ - 5 и бывшим болотом, теперь засыпанным шлаковыми отходами ТЭЦ. Соломиты - это дощатые бараки, в простенках которых для утепления

закладывались соломенные маты. В бараках были сплошные нары, рассчитанные на 100 - 120 человек в каждом.

В начале 1931 г. из Татарской АССР на Бумстрой привезли две тысячи раскулаченных крестьян, изгнанных из своих домов с самым жалким скарбом (на сборы давалось не более трех часов). На Бумстрое – поселок Соломиты (это в 200 метрах напротив современной проходной завода металлических сеток), где было уже свыше десяти барачков. Сотни семей, в каждой из которых было по три-четыре способных к труду человека. Вот их-то и поселили в готовые бараки со сплошными нарами поселка Соломиты, с сохранившимися проволочными заграждениями по всему периметру и уже полуразрушенными вышками. В архивах были найдены документы, которые показывают число спецпереселенцев, находящихся на стройке по состоянию на сентябрь 1931 г. В этом документе говорится, что к сентябрю 1931 года на стройку прибыло 2 эшелона со спецпереселенцами: 1 эшелон всего 1675 человек, из них трудоспособных 743 человека, 2 эшелон – 1474 человека, из них трудоспособных 717 человека. Всего 3149 человек, трудоспособных 1460 человек [1, лл. 53-56].

В 1932 - 1933 годах на Бумстрой этапировали большую партию заключенных с Украины и Дона. Это были в основном осужденные за «колоски». Их поместили в так называемые «уитловские» бараки, которые находились напротив современной проходной завода металлических сеток, на месте бывшего ж/д вокзала. «...Знаю, что часть из них строила рубленные дома на Красном рынке. Заключенных умерло здесь очень много. Некоторые просто падали замертво, когда их водили с работы. Конвоиры были немилосердны и бессердечны. Сколько их было на строительстве на самом деле, сказать невозможно, известно лишь то, что в конце 1932 – начале 1933 г. на строительство было этапировано около 700 человек заключенных Вишлага...» [2, л.8].

Летом 1933 года сюда, на Бумстрой, привезли оставшихся в живых спецпереселенцев из Красновишерского и Нырбобского районов. Их разместили в бывших «уитловских»

бараках. Они тоже пополнили армию первостроителей комбината.

В 1933 г. начальник Камбумстроя Горячев Я. И. пишет письмо начальнику Пермского оперсектора ОГПУ тов. Прохоренко, с просьбой этапировать на строительство Бумкомбината 600-700 человек спецпереселенцев с их семьями, в связи с тем, что лагпункт Вишлага при строительстве был ликвидирован из-за невыполнения договора и совершенно неудовлетворительной работы [3, л. 107].

В апреле 1938 года, когда комбинат уже отлажено, заработал, ему потребовалось огромное количество балансовой древесины, то всех спецпереселенцев - краснокамцев «подчистую» вывезли в глухие лесные поселки севера области на лесоповал.

В 1936-1938 гг. многие главы семейств спецпереселенцев попали в сталинско-ежовскую «мясорубку» и в большинстве своем были расстреляны.

В Краснокамске, тогда еще рабочем поселке, всего было репрессировано 1317 человек, из них расстреляны – 356, умерли при следствии 40 человек. Значит, всего погибли 396 человек, не считая тех, кто умер в ссылке, лагерях и спецпоселениях.

Сегодня трудно представить себе то, о чем красноречиво говорят архивные документы: якобы среди краснокамцев оказались 69 шпионов – почти все они расстреляны. 389 человек осуждены за антисоветскую агитацию, а это 29,6 % от общего числа репрессированных. Было репрессировано также 498 спецпереселенцев из Татарской АССР, в основном малограмотные крестьяне [4, с. 1].

Только за январь 1938 г. было арестовано и отправлено на следствие 750 трудпоселенцев. Всего были расстреляны и умерли во время допросов 397 человек. Выявлено 69 «шпионов». За антисоветскую агитацию расстреляны или осуждены на длительные сроки заключения в лагерях 389 человек. Кажется, что эти люди тем и занимались, что агитировали против советской власти [5, с. 6-7].

1. ГАПК, ф. р – 156 «16-й Государственный трест строительной промышленности Государственного Всесоюзного объединения строительной индустрии ВСНХ», оп. 1, д. 107.

2. ГАПК, ф. р – 156, оп. 1, д. 103.
3. ГАПК, ф. р-1086, оп. 3с, д. 2.
4. Борисов Н. А. «ГУЛАГ на Бумстрое» / Н. А. Борисов // «Забота». – 1995. - №4.
5. Книга памяти жертв политических репрессий. – Краснокамск, 2008.

Э.П. БЕРЗИН В ИСТОРИИ КРАСНОВИШЕРСКА И ТВОРЧЕСТВЕ В.Т. ШАЛАМОВА

Скворцова Виктория, учащаяся 9 класса муниципального автономного образовательного учреждения основной общеобразовательной школы №4, г. Красновишерск

Мы живем в Красновишерске – городе, который является административным центром Красновишерского муниципального района и расположен на северо-востоке Пермского края. Наш город имеет очень непростую историю. Он обязан своим рождением строительству Вишерского целлюлозно-бумажного комбината. А основными строителями комбината были заключенные Вишерского лагеря. Одним из заключенных лагеря был Варлам Тихонович Шаламов. Впоследствии он написал антироман «Вишера», «Кольмские рассказы», в которых описал строительство комбината, людей, с которыми он встречался в Вишерском лагере. Познакомившись с его творчеством, мне стало понятно насколько тяжело приходилось людям, которые строили комбинат, сколько сил и жизней было вложено в его строительство. В его произведениях показана сила духа людей в лагере, и желание этих людей жить и выживать...

Одним из людей, которых описал Шаламов был начальник строительства комбината Эдуард Петрович Берзин.

Берзин родился 7 февраля в 1893 году в Латвии. В 1914 году окончил художественное училище. С 1915 по 1917 годы участвовал в первой мировой войне в звании прапорщика. Был награжден серебряной нагрудной медалью на Станиславской

ленте с надписью «За усердие» и Георгиевским крестом 4-й степени. В 1917 г. произведён в офицеры. После прихода к власти большевиков перешел на сторону революции, воевал с белогвардейцами в составе латышской стрелковой дивизии на разных командных должностях. С 1921 года – сотрудник ВЧК, ОГПУ.

Молодому советскому государству нужна была бумага. В 1925 году Наркомат по военным и морским делам СССР принял решение о строительстве Бумажно-Целлюлозных Химических заводов на севере Пермского края на реках Каме и Вишере [1, С.46]. В Москве для организации строительства создается трест ВИШХИМЗ. Был разработан проект строительства бумажного комбината. В ноябре 1925 года на реке Вишере, в устье реки Вижайха, было образовано Управление целлюлозно-бумажного завода. Одновременно здесь был организован концлагерь – Вишерское отделение Соловецкого лагеря особого назначения [2. С.4]. В конце 1926 года Главным директором ВИШХИМЗа назначается старый чекист Э.П. Берзин. Берзин организовал строительство ВИШХИМЗа. Комбинат был построен и пущен в эксплуатацию 1 ноября 1931 года. В конце 1931 года Берзин был переведен на другую работу – директором треста «Дальстрой», где был награжден орденом Ленина в 1935 году, а в 1937 году арестован и расстрелян в 1938 году.

Шаламов упоминает Берзина в разных произведениях. Это антироман «Вишера», рассказ «У стремени». Шаламов описывает его по-разному. Он называет Берзина автором изменений в Вишерском лагере при его реорганизации из концлагеря в исправительно-трудовой лагерь. Он приводит рассказ инженера Покровского, что тому при Берзине работалось лучше всего, что Берзин умел добиваться для строительства всего самого необходимого. И в то же время он пишет, что

Берзин относился с презрением к инженерам и другим заключенным. Он принимал просителей по 10 человек в день, когда садился на коня, у стремени. Шаламов называет Берзина простым лагерным начальником, который также причастен к многочисленным казням.

В архивном отделе администрации Красновишерского муниципального района тоже хранятся документы, в которых упоминается Эдуард Петрович Берзин. Во-первых, это кадровый документ - личная карточка Берзина, в которой отмечено, что он был вольнонаемным и что занимал должности директора комбината и начальника строительства [3. Л.10].

Среди других документов хранится приказ Берзина № 131 от 27 ноября 1931 года по управлению целлюлозно-бумажного комбината «ВИШХИМЗ». В приказе записано следующее: «Постановлением Совета труда и обороны, назначен на другую работу. Оставляя Вишхимз, приношу всем работникам Вишхимза свою благодарность за совместную работу по пути социалистического освоения Вишерского края, индустриализации и культурного подъема одной из отсталых окраин Советского союза.

Надеюсь, что работники Вишхимза будут продолжать развитие Вишерского края теми же темпами, которыми было осуществлено строительство комбината и обеспечат ему место, соответствующее его естественным богатствам» [4.Л.174].

Из этого текста видно, что Вишерский комбинат многое значил в жизни Берзина. Приказ звучит и как благодарность и как наставление и как пожелание. Берзин отдал строительству Вишерского целлюлозно-бумажного комбината несколько лет своей жизни. Он участвовал в создании Вишерского лагеря, в

организации труда заключенных, инженеров, вольнонаемных. Заключенные были для него средством для постройки комбината. Вряд ли он относился к ним с сочувствием. Однако Берзин назначал заключенных на руководящие должности, если видел в них способности для этого, а после окончания строительства несколько сотен заключенных были освобождены досрочно и многим были сокращены сроки пребывания в лагере.

Берзин - человек необыкновенной судьбы, который жил в досоветское время и в советскую эпоху. Он верил в себя, в свои силы, в энергию времени, в котором жил. Верно, что Берзин служил партии большевиков и советской власти. И в беззакониях, творящихся в стране, в том числе на Вишере и на Колыме, также замешан, как и руководители коммунистической партии и Советского Союза. Все же, объективно оценивая заслуги Э. П. Берзина в освоении некогда непроходимой тайги, в превращении ее в промышленный район России, надо хранить память и о нем тоже.

В Красновишерске, около школы № 4 стоит памятник, посвященный первостроителям Вишерского целлюлозно-бумажного комбината. Среди них и многие тысячи заключенных, и сотни вольнонаемных, и Варлам Шаламов и Эдуард Берзин. Имя Э.П. Берзина носит одна из улиц г. Красновишерска [5. Л.10], в марте 1967 года решением городского совета Берзину Э.П. посмертно присвоено звание «Почетный гражданин г. Красновишерска» [6. Л.42.].

В городе создан памятник В.Т. Шаламову и другим жертвам политических репрессий. Открыт музей, посвященный Вишерскому лагерю и комбинату. В районном краеведческом музее открыт зал В.Т.Шаламова, посвященный строительству

комбината. В музее отведено место и Э.П. Берзину. Он ведь тоже относится к жертвам политических репрессий. Как писал Шаламов: «Он погиб, убивая для того же Сталина».

Вишерский комбинат, когда-то задним числом включенный в план первой пятилетки, и построенный в рекордно короткие сроки – 18 месяцев проработал более 75 лет. Вишерцы могут гордиться: страна получала прекрасную бумагу, на которой печатались лучшие журналы и книги. А теперь.... Завод закрыт и это огромная потеря для Красновишерска.

Прошлое-это история. Начали ее строители ВИШХИМЗа, лесозаготовители. Продолжили бумажники, алмазодобытчики, нефтяники. История пишется разными людьми и делами. И главноев ней – память обо всех.

Светлая память о тех, кто оставил нам в наследство добрые дела и трудовые традиции, и веру в завтрашний день.

1. Л.А. Обухов. Из истории строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината и лагеря// Города «несвободы»: материалы международной научно-практической конференции. - Пермь, 2012.
2. Л.А. Обухов. История строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината// Хрупкая летопись: фотоальбом. – Пермь, 2012.
3. Архивный отдел администрации Красновишерского муниципального района. Ф.205.Оп.2.Д.67.
4. Там же. Ф.205.Оп.2.Д.4.
5. Там же. Ф 21.Оп.1.Д.157.
6. Там же. Ф 21.Оп.1.Д.188.

ТЕМА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.Т. ШАЛАМОВА

*Харламов Никита Юрьевич,
главный библиограф ЦПГА центральной библиотеки
МБРУК «Красновишерская межпоселенческая
централизованная библиотечная система», Красновишерск*

Шаламов провёл на Вишере 3 года, в качестве заключённого ВИТЛ. Этому времени Варлам Тихонович посвятил свой антироман «Вишера».

В этом произведении автор не только описывает свой личный опыт пребывания в лагере и вспоминает окружавших его людей, но и затрагивает определённые нравственные проблемы, которые в дальнейшем будут определяться как права человека. Поэтому мы поговорим о теме прав человека в Произведениях В.Т. Шаламова на примере антиромана Вишера.

В данном произведении можно выделить два пласта, где можно рассуждать о том, какие права человека соблюдались в лагере, а какие нет. Первый пласт - личное мнение Шаламова, от тех или иных действиях советской власти и других заключённых по отношению к себе или другим заключённым. Второй пласт - это описание тюремного и лагерного быта.

Антироман Вишера – это художественное, а не документальное произведение. Также необходимо учитывать, что сам Шаламов был арестован за участие в троцкистской организации, то есть был идейным противником Сталина и модели государства им созданной.

Мы разберём некоторые ситуации из тюремного и лагерного быта и посмотрим, какие права человека в данной ситуации были нарушены, а какие наоборот соблюдены и даже обеспечены.

С точки зрения Шаламова главной несправедливостью по отношению к нему было неоправданно суровое наказание. *«Только концлагерь. Только каторжные работы. Только клеймо на всю жизнь, наблюдение на всю жизнь. Приговор - три года*

концлагеря - был по тем временам жестким. Давали ссылку, политизолятор, но со мной было решено рассчитаться покрепче, показать, где мое место», – пишет он.

Также негодование вызывает неравное отношение к заключённым. К уголовникам (ворам и убийцам) в лагерях относились лучше, чем к политическим заключённым и осуждённым за экономические преступления. Что подтверждается таким словами: ... *к убийце в лагере не относятся как к убийце. Напротив, от первого до последнего дня заключенный убийца чувствует поддержку государства - ведь он бытовик, а не троцкист, не враг народа.*

Выступает Шаламов и против такого явления как перековка т. е. перевоспитание заключенных, ссылаясь на большое количество приписок, главенствующее положение уголовников и еде как средстве выполнения плана. Не выполняющим план заключённым пайка урезалась, перевыполняющим увеличивалась. В качестве орудия для перековки использовали даже право вступать в брак. Жениться разрешали только заключённым систематически перевыполняющих норму. Причём жёны могли быть не только из числа заключённых, а ударницы могли выходить замуж только за заключённого. Правило не распространялось на осуждённых по 58 статье. Для встреч супругов был оборудован дом свиданий. Позже приказ «о свадьбах» отменили.

Перековка - не только яркий пример догмы мертвого теоретического построения (чудодейственное воспитание трудом, благотворное влияние среды и т. д., по политграмоте Коваленко), в жертву которому приносились жизни и души людей. Начальники-практики давно знают цену этой перековке. Это и яркий пример лицемерия, призванного скрыть далеко идущие цели. Перековка показала, как легко человеку забыть о том, что он - человек. Была создана, всё сложнее и тоньше год от году, система поощрения. Святая тюремная пайка была заменена питанием по тонко разработанной шкале так, чтобы каждый рабочий час и день отражался на еде будущего дня.

Нельзя не отметить некоторой справедливости в таком подходе, поскольку он показывает, во-первых, заботу о передовиках производства (наверняка были те, кто действительно хорошо работал), во-вторых, отсутствие у начальства Вишлага других способов заставить заключённых работать.

Варлам Тихонович за 3 года, проведённых на Вишере, стал свидетелем большого количества насилия и создания ситуаций угрожающих жизни и здоровью людей. Это избиения, изнасилование женщин, оставление без обуви, необходимость работать с мокрыми ногами, большое количество человек в тюремной камере, плохая организация бани, отсутствие квалифицированной медицинской помощи.

... Начальник санчасти нашего отделения, "доктор" Жидков, тоже не был ни доктором, ни врачом, ни фельдшером, он был студентом медицинского факультета, как он сам говорил. Штат его был подобран по принципу, неоднократно декларированному Жидковым. - Был бы честный человек. Спирт не выпьет, а медицинские знания - это дело десятое. Это "десятое" дело привело к огромной распространенности цинги.

На этапе ареста и отправки в лагерь не было возможности связаться с родными и друзьями.

На каждой станции я просовывал в щель записки: перешлите в Москву, в университет, меня везут в лагерь, везут вместе с уголовниками, протестуйте, добейтесь моего освобождения... перевода к своим. Впоследствии я узнал, что товарищи не бросили меня, что они тщетно пытались со мной связаться и, думая, что лагерь, каторга - это нечто вроде ссылки, писали мне туда много и неосторожно. То есть, возможность получать письма была, но запрещалось присылать антисоветскую литературу и письма аналогичного содержания.

Читая данные отрывки без критического восприятия можно сделать выводы, что советские лагеря были лагерями смерти, а не исправительно-трудовыми учреждениями. И ставили своей целью физическое уничтожение противников

сталинского режима. Но, если отвлечься от рассуждений и жалоб автора о несправедливости советской власти к нему лично и другим заключённым, то можно отметить определённые моменты и достойного содержания заключённых и даже доверительного отношения к политическим заключённым.

Так в тексте даже антиромана есть указания на то, что заключённых прилично кормили. Как в тюрьме, так и на этапе и в лагере.

Со мной не было никаких вещей, никаких денег - пайка и дорожная селедка уравнивали меня в социальном отношении с обитателями вагона. Приносили кипяток, давали хлеб на завтрак, селедку, ставили парашу. Таким образом, положенный лагерный паек оставался в лагере, и вечером арестант его получал. Днём обедал в столовой "от хозяина". Это тоже вызывало большие нарекания, ибо вольная столовая была гораздо хуже лагерной.

Так же заключённых обеспечивали одеждой по мере износа домашней.

Одежда была своя, вольная, и только по мере того, как она изнашивалась, арестанту выдавали казенное - брюки солдатского сукна, бушлаты солдатского сукна, ушанки- "соловчанки" солдатского сукна. Лагерников и одевали лучше. Ведь на работу не выпускали раздетых и разутых. Даже случайно.

Чтение этих отрывков позволяет сделать выводы о том, что к заключённым относились не как к «лагерной пыли», а как к рабочей силе, которую ценили и даже берегли.

Учитывая, что сам Шаламов во время лагерного срока не очень долго работал на общих работах и потом работал учётчиком и фельдшером. То есть в лагере ценили грамотных людей и на статью внимания обращали мало.

За время пребывания в лагере В.Т. Шаламов ездил в Чердынь, где описывал ужасные условия, в которых находились спецпереселенцы с Кубани, но при этом сам жил в гостинице, ел котлеты и даже имел при себе хлеб, который он отдал

поселенцам. Так же Шаламов совершил поездку в Москву, один, без сопровождения.

У меня была виза управделами, и я легко купил билет и ехал в ежедневном почтовом Соликамск - Москва без затруднений. Я ехал, никого не предупреждая, никого не извещая, ехал просто в свой город без всякой боязни и тревоги. Что говорит об определённом доверии со стороны лагерного начальства.

Кроме этого у заключённого было право обжаловать свой приговор или подать жалобу просьбу на имя начальства.

Вот мы и составили докладную записку - заявление по поводу положения женщин в лагерях. ... мы подписали заявление оба и вручили каждый своему начальству для отправки по назначению. Правда, жалобы удовлетворены не были, вероятно, даже не рассмотрены. Но и жалобщики не были серьёзно наказаны за сам факт жалобы (не переведены на тяжёлые работы, не избиты, не посажены в карцер, не лишены пайки, не расстреляны).

Из текста антиромана «Вишера» трудно понять, применялись ли к заключённым и арестованным пытки. Шаламов пишет, что применялись, но пишет абстрактно, не называя вопреки обычному описанию различных ситуаций в тюрьме и в лагере конкретных фамилий. Причём к самому автору пытки точно не применялись, несмотря на его упорные отказы от дачи показаний. Самым большим вредом, который причинили литератору, было принуждение одной из заключённых написать на него ложный донос. Якобы Шаламов принуждал её к сожительству. Но опять же донос или попытка доноса не повлекли никаких санкций. А сам факт возможности написания подобной жалобы говорит о том, что хотя и редко, насилие над женщинами всё-таки пресекалось.

Конец 20-х - начало 30-х годов 20 века стали эпохой расцвета культуры и массового распространения образования. Находящимся в тюрьме заключённым разрешали читать газеты, причём, эти газеты явно присылали не с воли, а выписывались тюремной библиотекой. В библиотеке Бутырской тюрьмы все

желающие могли свободно читать книги, в том числе и профессиональную литературу, посвящённую различным отраслям науки и техники и даже книги, запрещённые на тот момент в Советском Союзе. А если заключённые занимались раньше наукой, работали с техникой, принимали участие в больших стройках, при активной поддержке со стороны тюремного начальства читали лекции для других заключённых. На Вишере лекций уже не читали, но активно развивалась художественная самодеятельность: создавались ансамбли из заключённых, приезжали театральные коллективы, силами приглашённых коллективов ставились даже оперные спектакли. Для заключённых и вольнонаёмных был построен отличный клуб с кинотеатром.

Подводя итоги можно сделать вывод, что даже вопреки мнению самого Шаламова советские исправительно-трудовые лагеря никак не являлись средствами для уничтожения людей. А, напротив, в них были не только созданы определённые условия для поддержания у заключённых удовлетворительного физического состояния для выполнения плана, но и проявлялась забота об их культурном развитии и досуге. Заключённые пользовались определённым набором прав, которые не всегда могли обеспечить капиталистические страны (обеспечение работой, одеждой, свобода передвижений, работа заключённых на ответственных должностях, доступ к культурным ценностям). Конечно, в лагере было много насилия и несправедливости, но объяснить это можно не только «злодейской» властью, намерено создававшей условия для уничтожения своих врагов, а поискам новых форм работы с заключёнными, не всегда удачными экспериментами, острой нехваткой грамотных руководителей, которых не просто было подготовить за 5 - 8 лет после окончания гражданской войны. Кроме того, интересно познакомиться с делами репрессированных начальников Вишлага. Не исключено, что недочёты в содержании заключённых и просчёты в хозяйственной деятельности лагеря стали одной из причин арестов лагерного начальства.

Творчество Варлама Тихоновича Шаламова является достаточно интересным и требует дальнейшего изучения. В том числе тех нравственных проблем затронутых автором, которые сейчас воспринимаются как права человека. Но, изучая как анализируемое произведение, так и «Колымские рассказы», нужно не забывать, что мы имеем дело с художественными произведениями, отражающими исключительно личное мнение и представления автора об описываемых событиях. Поэтому изучая историю политических репрессий даже на примерах произведений Шаламова, необходимо привлекать ещё и архивные источники и воспоминания других очевидцев (работников лагеря из вольнонаёмных, лагерного начальства, охранников и других заключённых или хотя-бы их детей). Только комплексное изучение всех источников может показать истинные отношения к людям и их правам в сталинских лагерях.

1. Права человека : книга для чтения, 9-11 классы / сост. А. Бочарова [и др.]. - 2-е изд., испр. - Пермь : Пушка, 2005. - 296с.

2 Шаламов, Варлам Тихонович. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4 : Автобиографическая проза / Шаламов Варлам Тихонович. - Москва : Терра-Книжный клуб, 2005. - 638 с.

ЦЕРКОВНЫЙ МЕННОНИТ ГЕНРИХ ФОТ И ЕГО СЛУЖЕНИЕ В СССР В 1945-1957 ГГ.

*Чернышов Александр Анатольевич,
научный сотрудник Пермского краевого отделения
Международного общества "Мемориал", Пермь*

Появление Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. №21-160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» стало причиной массового переселения немцев на режим спецпоселения на Урал. Немцы-трудармейцы оказались в Молотовской области по требованию местных хозяйственных руководителей, испытывающих острую потребность в рабочей силе. В тяжелые военные годы, когда ни еды, ни теплой одежды не хватало, когда как правительство, так и сами местные жители относились к репрессированным крайне негативно, немцы сохраняли свои традиции и культуру, отмечали национальные и религиозные праздники. Немцы, приехавшие в Молотовскую область, относились к разным религиозным конфессиям. В основном, это были евангельские христиане-баптисты, католики, лютеране. Судя по архивным документам, мы можем говорить, что среди евангельских объединений у немцев самыми распространенными были меннонитские.

Как правило, история общин ЕХБ, меннонитов, где преобладающим количеством были немцы в 1945-1957 гг. в Молотовской области была одинакова. В 1946 г. немцы-трудармейцы были переведены под надзор спецкомендатур. Немцы начинают постепенно проповедовать Евангелие, приглашать других на молитву. Сегодня многие общины ЕХБ в Пермском крае ведут отсчет с 1946 или 1947 г. Среди компактно проживавших немцев, как правило, имелись библии на немецком языке, что было редкостью у русских, украинцев. Многие немцы были музыкально одарены и создавали хоры и сводные оркестры. К тому же по свидетельству очевидцев

«немцев (на спецпоселении) не трогали». Общины немцев в Молотовской области вокруг себя постепенно объединяли верующих разных национальностей, уверовавших как до войны, так и новообращенных. Следующий этап, который объединял все немецкие религиозные группы – это волна пробуждения в середине 1950-х гг. Немцы очень активно проводили духовную работу. Несмотря на запреты властей проводили водное крещение, приобретали молитвенные дома, открыто проповедовали. К ним присоединялись проповедники других национальностей и из других регионов страны.

Рассеявшись в 1930-1940-е гг. по территории СССР, немцы нуждались в объединении. Если братские меннониты объединялись с евангельскими христианами-баптистами, то церковные меннониты, имея различия в вопросах веры с ЕХБ и братскими меннонитами, переживали трудности с объединением. В 1950-1960-х гг. служители ЕХБ, церковных меннонитов и зарубежные служители пытались решить вопрос об объединении церковных меннонитов с ВСЕХБ. Этот вопрос поднимался несколько раз, но в конечном итоге многие церковные меннониты оставались верными своим взглядам, и собирались отдельно.

Вопрос объединения пытался решить пастор церковных меннонитов г. Красновишерска – Генрих Петрович Фот. Пасторов и старейшин было очень мало. Ещё в 20-е годы их преследовали и систематически уничтожали. Из всех старейшин 120 меннонитских общин различного направления, служивших в Советском Союзе до великого преследования христиан, выжило менее десяти. Возможно, их осталось менее пяти. Генрих Фот был одним из них.

Фот получал письма из других регионов, в которых прихожане его церкви жаловались, что на некоторых собраниях (в основном, баптистских) их не допускают к хлебопреломлению из-за формы крещения. Тем не менее, во многих местах баптистские церкви оставались единственными действующими христианскими церквями. Пройти другой обряд крещения Г. Фот не мог себе позволить. Если заставить братьев

и сестёр ещё раз пройти другое крещение, то у них возникнет впечатление, что форма важнее сущности. А это по мнению Фота противоречило библейскому учению о крещении. Г. Фот стоял как ответственный служитель перед нелегким выбором: должен ли он советовать своим верующим держаться подальше от собраний баптистов, где их не принимают? Но вокруг не было других церквей, почти не было пастырей, не говоря уже о старейшинах его направления веры. Как он мог помочь своим братьям и сёстрам? Ему было ясно: рассеянную церковь необходимо собрать. В местах ссылки надо найти братьев и сестёр и посмотреть, можно ли там начать сначала. [1, с.155-160].

География его служения простиралась далеко за пределы небольшого уральского городка Красновишерска: Украина, Средняя Азия, Сибирь, Урал. Всего с 1956 по 1959 г. Генрих Фот совершил по стране 6 поездок, 6 раз посетил «рассеянную церковь» - как говорил Фот. Он проповедовал, крестил, рукополагал. Церкви восстанавливались, росли численно [2].

В связи со снятием с немцев статуса спецпоселенцев, немцы Молотовской области активно решали вопрос об отъезде из области в Казахстан, Таджикистан и др. регионы. Многие церкви сокращались численно.

Такая картина была повсеместно. Уехали, в том числе и церковные меннониты, а в 1964 г. из Красновишерска в возрасте 77 лет уехал и Г. П. Фот. Умер он в 1973 г. в Бишкеке (в те годы - г. Фрунзе).

В ходе обсуждения вопроса о единстве ЕХБ с братскими меннонитами ещё на съезде в 1963 г. выступил братский меннонит Г. К. Аллерт из Караганды с заявлением о принятии братских меннонитов в Союз ЕХБ. Съезд согласился. В 1965 году братские меннониты были окончательно приняты в ВСЕХБ [3,с.228]. Но, меннонитов в 1960-х гг. в Пермской области почти не было. Их общины оставались в Казахстане, в Сибири. Почему же распалась одна из самых многочисленных протестантских организаций в Пермской области? Важнейшей причиной стало то, что в области до появления немецких спецпереселенцев в

1941 году не было меннонитских объединений. В области у меннонитов не было ни сложившихся традиций, ни собственной истории. Именно поэтому они и были поглощены баптистами и лютеранами, религиозные группы которых существовали еще до прихода советской власти. Язык проведения богослужений меннонитских общин был немецким. Естественно, подобный факт не привлекал верующих из русского населения. Меннонитские общины были обречены на исчезновение. Политика властей, отношение местного населения к верующим, существование сильных баптистских общин и лютеранского прихода – все это способствовало постепенному распаду меннонитских общин.

1. EinHirtederZerstreuten, 1999, перевод с немецкого С. Неквасиль.

2. Нам И. В., Борьба за выживание: немецкие религиозные общины Томской области в годы «оттепели» и «застоя» // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.).

3. Настольная книга пресвитера. Том 1., 2010 г.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГУЛАГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ МОЛОТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

*Шевырин Сергей Андреевич,
Доцент, кандидат исторических наук,
заведующий научно-методическим отделом
Мемориального комплекса политических репрессий, Пермь*

«...заклученный...с целью контрреволюционного саботажа...отрубил себе...один палец» [1].

Еще в середине 1930-х гг. ИТУ фактически стали хозяйственными единицами, выполняющими экономические задачи. В штатном расписании ГУЛАГа 1939 г. имелось девять производственных отделов (из 42): Управление лесной промышленности, Управление ИТК и сельскохозяйственных лагерей, 1-й отдел железнодорожного строительства (ДВК), 2-й отдел железнодорожного строительства, Отдел гидротехнического строительства, Отдел морского строительства, Отдел топливной промышленности, Отдел цветной металлургии, Отдел целлюлозно-бумажной промышленности.

В предвоенные годы промышленность ГУЛАГа охватывала 17 отраслей народного хозяйства, (лес, уголь, нефть, цветные металлы, строительство и др.) [2, С. 733-734].

В отношении к заключенным такая хозяйственная практика проявилась в первую очередь в вполне капиталистической эксплуатации труда – фактически подневольного. В бытовом плане это проявлялось в пренебрежении к элементарным физиологическим потребностям – отдых, жилье, питание, одежда.

Перед руководством лагерей и колоний стоял жесткий финансовый и производственный план, а строительство более менее нормального жилья для заключенных, достаточное

питание, вещдовольствие вели, по мнению администрации, к совершенно лишним затратам.

Для заключенных такая хозяйственная направленность деятельности выражалась в холодных бараках, недостаточном питании, плохом вещевом снабжении, доминирующей ролью уголовников, которых часто ставили бригадирами, тяжелыми условиями труда.

Военное время обострило до крайности все эти проблемы. Осенью 1941 г. в Молотове на совещании работников ГУЛАГа фактически прозвучало программное заявление. Сотрудник ОИТК УНКВД по Молотовской области: «Я не согласен с выступлением Михайлова, который предлагает накормить, напоить и одеть з\к и тогда они будут работать хорошо. Мы должны заставить з\к работать и отдать все, что они могут отдать» [3].

Общее количество заключенных ГУЛАГа к началу войны (по официальным данным) достигало 2,3 миллиона человек [4, С.17-19]. Среди заключенных значительное количество было указников, т.е. осужденных за нарушение трудовой дисциплины (с 1940 по 1956 гг. было осуждено к лишению свободы 723 тысячи человек) [5, С.88] или осужденных по закону от 7 августа 1932 г. («за колоски»). В лагерях количество политических заключенных доходило до 50%. Так, например, из характеристики Усольлага за 1939 год можно узнать, что «около 50 % осужденных за к\р преступления» [6].

В Молотовской области в 1941 году существовали 2 лагеря, подчиненные непосредственно ГУЛАГу (Усольский ИТЛ и Соликамский ИТЛ). Заключенные этих лагерей были заняты на лесозаготовках и строительстве сульфит-целлюлозного комбината. С общим количеством заключенных более 30 тысяч человек [7, 8, С.272].

На 1 апреля 1941 года УИТЛК (управление исправительно-трудовыми лагерями и колониями) Молотовской области располагало 7 промышленными и контрагентскими колониями и лагерями (в г. Молотове, Краснокамске, Кунгуре,

Березниках). Заключенные изготовляли гвозди, мебель, обувь, музыкальные инструменты, строили новые заводские цеха и целые заводы. Среднесписочное число заключенных ИТК Молотовской области в 1941 г. - 8510 человек.

Количество заключенных в Молотовской области (с 1940 по 1957 гг. Пермская область называлась Молотовской) в годы войны резко увеличилось. В первую очередь за счет эвакуированных лагерей и колоний из прифронтовых регионов. Только в Усольлаг в течение августа-ноября 1941 г. было эвакуировано 25 тысяч заключенных [9]. На 1 января 1942 г. количество заключенных в Молотовской области составило почти 70 тысяч человек.

Резкое увеличение количества заключенных привело к недостатку жилых помещений. В Усольлаге жилья было на 23 тысячи человек, а размещено было почти 40 тысяч человек. Такая же ситуация была и в колониях. В среднем в это время на одного заключенного приходилось 0,8 кв метра жилья [10]. В дальнейшем к 1943-44 гг. жилье было построено, и жилая норма доходила до 1,8 кв. м. на человека. Но, по выражению администрации лагерей: «жилья мы построили много, но мы строили не дома, а шалаши, забывая условия уральской зимы. До сих пор люди живут в недостроенных и в не отапливаемых бараках, не имеют возможности обсушиться, спят на голых нарах. Драки за сухое место в бараке, ибо крыши текут».

Уменьшенная в связи с войной норма питания на местах еще не раз уменьшалась или заменялась малокалорийными продуктами: лаготделение №2 (Березники): «Мы имеем заболевания, которые развиваются на однообразном питании - мука, хлеб» [11]. В Усольском лагере 2,5 месяца заключенным не давали отдыха и в течение этого времени в пайке отсутствовали жиры и мясо, в результате – массовое истощение, заболевания и смерть и т.д. В 1942 г. ГУЛАГ был вынужден

даже разослать специальный циркуляр №69 от 20.11.1942 г. о запрещении начальникам лагерей и строек самовольно уменьшать нормы питания заключенных.

Кроме лагерной администрации еду расхищали сами заключенные, работающие на кухне. Так, в 1942 г. даже был издан циркуляр «Дело питания в лагерях и колониях отдано в руки заключенным. Кладовщики, повара, обслуживающие на кухне, хлеборезы и прочие из числа заключенных безнаказанно расхищают продукты питания, снижая нормы продуктов, закладываемых в котел, готовят для себя пищу из лучших продуктов, расходуя для этого в неограниченном количестве масло, жиры и мясо».

И, тем не менее, в 1943 г. – в самое голодное время – в результате проверки ЛО №2 выявилось, что заключенный-заведующий столовой подкармливал продуктами, предназначенными для заключенных, всю администрацию лаготделения (ЛО) №2. За это администрация закрывала глаза на то, что заключенные – работники столовой питались бифштексами и отбивными [12]. Большая же часть заключенных ЛО №2 была доведена до истощения.

В Усольлаге во второй половине 1941 – первой половине 1942 гг. в среднем калорийность питания составила 1800 калорий, при необходимых при работе на лесоповале 4 тысячах. В сочетании с недостатком жилья, увеличенным рабочим временем (специальная телеграмма от 26 июня 1941 г. №30\6447\02) - 12 часовой рабочий день), отсутствием необходимых медикаментов резко увеличилась смертность и заболеваемость заключенных. В Усольлаге за период второй половины 1941 – первой половины 1942 гг. умерло 6741 человек. На командировке «Чепец» более 60% заключенных были больны [13], а начальник спецлагпункта «ШИЗО» жаловался, что 450 штрафников все больны и не держатся на ногах, а их как отказчиков от работы направляют в ШИЗО и «в результате чего ШИЗО превращается в стационар».

Особенно большая смертность наблюдалась среди эвакуированных заключенных, которые попадали во вновь

образуемые, а значит, самые неприспособленные для жизни, лагеря и колонии.

Например, в 1942 г. во вновь созданное лаготделение №3 на ст. Баская прибыла первая партия людей. Спустя 3 месяца была проведена проверка: на человека приходилось 0,98 кв. м жилой площади, при этом не было ни матрацев, ни соломенных матов, заключенные спали, не раздеваясь, на голых двухъярусных нарах, грязная и мокрая одежда высыхали прямо на людях. В лагере не было воды. Не было бани. Для питья использовалась вода из луж и канав. Что касается питания, то основным продуктом здесь была мука. В течение 3 месяцев умерли 273 заключенных, причем некоторые прямо на работе[13].

В одном из лагпунктов Широкага в 1943 г. комиссия обнаружила: «В бараках постельных принадлежностей нет, холодно, печи дымят. Люди не спят из-за холода и сидят около печей. Во многих бараках нет окон и нар. Питьевой воды нет и люди пьют воду из луж и ручейков около барака. Уборной нет, и люди испражняются здесь же около бараков, около луж и ручейков, из которых пьют воду. Пища скверная, суп - одна вода, никакой гущи, а жирами даже не пахнет. Посуды нет и люди кушают из банок, которые насобирали на территории лагеря. Смертность - 3-4 человека в сутки».

В итоге за сентябрь, октябрь и ноябрь 1943 г. умерли 233 человека или 19,4% от списочного состава. Остальные заключенные были «...доведены до нерабочего состояния». Начальник лагпункта оправдывался - его участок не был готов к приему людей - не достроены бараки, баня, столовая, не завезены постельные принадлежности, а план производства уже прислали. Заключенные вынуждены были ночевать в бараках без крыш. И на все просьбы начальника улучшить быт заключенных, вышестоящее начальство якобы требовало только выполнение производственного плана. Тогда он запретил врачу выдавать освобождения больным, чтобы не превысить плановый процент группы «В» (больные). В результате смертность в этом отделении достигла 19,4% к списочному составу [14].

17 летний заключенный этого отделения Иван Скачков вспоминал: «В конце октября месяца я заболел на работе и меня привели в колонну под руки. Утром я себя чувствовал слабым и на работу идти не мог. Всех больных, не имеющих освобождения, погнали в холодный недостроенный изолятор. Потом вывели на работу за зону. Многие из больных легли на землю и заплакали. Погода была холодная: мороз и падал снег. Я немного прошел, потом от боли остановился и сел на автолежневку. Начальник подошел, схватил меня сзади за воротник, поднял и начал трясти, при этом говоря: «я тебе покажу, это не у мамки». Довел меня до изолятора и бросил в холодную камеру». Затем начальник построил всех больных вдоль автолежневки, подходил к каждому и спрашивал о причинах не выхода на работу, после ответа бил кулаком в бок и говорил «вы промотчики и отказчики». «Промотчиками» называли людей, не имеющих по какой-либо причине одежды. Например, одежду могли украсть. Так, при проверке ИТК №5 в Мотовилихе в 1942 г. оказалось, что заключенные спят не раздеваясь из за боязни кражи одежды. Воры рецидивисты отбирали или крали одежду, продукты и сбывали на рынках города. Вместо борьбы с рецидивистами начальство колонии назначало воров помощниками начальников отрядов [15]. Одежду могли не выдать или выдать самый минимум. Так, в 1942 г. расследовали случай высокой заболеваемости в только что созданном Поньшлагае. Оказалось, что «...постельных принадлежностей почти нет, обеспеченность - 8-10%. Большая разутость и отсутствие верхней одежды».

Осенью 1941 г. в г. Молотов судили 24 женщины – заключенных ОЛП №1 по обвинению в саботаже. Они систематически не выходили на работу. На суде все они заявили, что им нечего было надеть – «постирано и не высохло», «у меня нет одежды, в чем бы я могла работать. Я имею юбку и кофту на себе и больше у меня ничего нет». Всем добавлен срок. В другом подобном деле 1943 г. приведен арматурный список вещдоловствия женщины-заключенной [16]:

Наименована	Штук	Срок службы
Шапка	1	1
Телогрейка	1	1
Брюки ватные	1	2
Брюки летние	1	2
Рубаха нательная	1	2
Трусы	1	2
Юбка	1	2
Платье	1	2
Кофта	1	2

Руководство Усольлага отчитывалось в начале 1945 г. о наличии вещдоловствия среди заключенных: рубахи 38%, трусы 50%, ботинки 25%, пайпак – 28, чуни – 6, телогрейки – 42%, юбки женские – 11, кофты жен. – 3, платья – 20%.

В годы войны появляются экзотичные виды обуви – пайпаки – сшиты чулки из старых одеял и вставлены в плетенные лапти. Чуни – низ из автомобильных покрышек, сплетенных или сшитых, верх – как у пайпака.

Такой вид обуви бытовал еще в 1947 г., когда поэт Михаил Танич прибыл в Усольлаг. В одном из его стихотворений:

...Я иду в колонне —
чуни да пайпаки,
минус тридцать с хвостиком,
сорок — без вранья!
Позади — бараки,
по бокам — собаки,
и пила лучковая —
барышня моя.

Лагерная повседневность во все периоды ГУЛАГа была очень тяжелой. Фактически там ставили эксперименты по выживанию. Если мы рассмотрим нормы питания в динамике, то увидим, что они постепенно уменьшались, даже в мирное время, до массовых истощений и как следствие уменьшения

трудоспособного лагерного населения. После чего специальными приказами паек повышался и все начиналось сначала.

1. ГАПК. Ф.Р-437. Оп.1. Д.4. Л.1.
2. ГУЛАГ 1918-1960. Документы. М., 2000.
3. ПермГАНИ. Ф.3387. Оп.1. Д.2. Л.3.
4. ГУЛАГ в годы Великой отечественной войны // Военно-исторический журнал, 1991 г., № 1.
5. Начапкин М.Н. Трудовое законодательство в предвоенный, военный периоды, и его влияние на жизнь рабочих и крестьян. // Урал в военной истории России: традиции и современность. Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург: ИИиАУрО РАН, 2003.
6. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп.1. Д.2980. Характеристика лагерей ГУЛАГа. Л.7.
7. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1. Д.853. Л.215-244.
8. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. М., 1998.
9. ПермГАНИ. Ф.105. Оп.8. Д.94. Л.47.
10. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп.1. Д.169. Л.11.
11. ПермГАНИ. Ф.3480. Оп.1. Д.2. Л.124.
12. ПермГАНИ. Ф.2464. Оп.1. Д.19. Л.73.
13. ПермГАНИ. Ф.4460. Оп.1. Д.37. Л.45.
14. ГАПК. Ф.Р-438. Оп.1. Д.1.
15. ГАПК. Ф.Р-1366. Оп.1. Д.65. Л.66.
16. ПермГАНИ. Ф.643/2. Оп.1. Д.86097. Л.17.

В.Т. ШАЛАМОВ И ЕГО РАБОТЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ВИШЕРСКИХ КРАЕВЕДОВ И ИСТОРИКОВ

*Игорь Владимирович Яковлев, учитель истории и
обществознания муниципального автономного
образовательного учреждения основной общеобразовательной
школы №4, г. Красновишерск*

Когда мы говорим об истории Красновишерска, и Вишерского края вообще, невольно приходит на память тот материал, который был популярен и распространен в городе и крае лет 30 – 40 назад. Мы помним (те, которым сегодня уже за 50) краеведческие материалы о революционерах, сражениях и героях гражданской войны, стройках первых пятилеток и героизме рабочих, малограмотных, полуодетых, которые возводили гиганты промышленной индустрии Прикамья и всего Урала.

Правда, была другая история, о которой тогда не было ни статей, ни фильмов, ни книг, которые бы рассказывали о лагерях ГУЛАГа, о тысячах заключенных работающих на строительстве промышленных предприятий. Эта история бытовала на кухнях, в среде очень доверенных друзей и знакомых. Передавалась из поколений в поколения среди репрессированного населения, со строгим наказом никогда и нигде об этом не говорить. Страх довлел над людьми долгое время.

Получить официальную информацию до конца 80-х годов XX века было практически не возможно. Вспоминаю один разговор с заведующей общим отделом районного комитета партии Зоей Семеновной Ломакиной, (произошедший в середине 80-х). Женщиной требовательной, строгой, ну и как положено умеющей держать язык за зубами. Как бы можно было сказать: должность обязывала. Не могу сказать, что помогло мне её разговорить, молодому зеленому инструктору райкома комсомола, который совал свой нос во все дозволенные

и не дозволенные дела, но вот её ответ меня просто ошаршил. «Райкому партии дана установка, на все запросы по поводу лагеря, писать один и тот же ответ. «Лагеря в Красновишерске никогда не было, ваша информация не соответствует действительности». Не осмелился я тогда спросить её, распоряжение было письменным, и если да, то кто его дал, или это было на уровне рекомендации.

Первая «ласточка» правды замелькала перед историками и краеведами в 1989 году, тогда в журнале «Советский воин» в №1 вышел рассказа Варлама Шаламова «Хан Гирей». Это были первые мгновения той самой истории, о которой шептались на кухнях, и рассказывали подвыпившие мужики, приговаривая очень интересную присказку «Дальше Вишеры не сошлют». Рассказ подвигнул меня начать маленькое расследование о настоящей истории города и комбината. Лагерь продолжал стоять, в бараках еще жили люди, среди горожан то тут-то там поговаривали, что комбинат стоит на костях и многое, многое другое. О том, что новые садовые участки выделенные нефтяникам, почему то оказались на каком-то кладбище. Проще сказать, время само подталкивало искать настоящую, а не выдуманную историю. Оказавшись в архиве бумкомбината, меня поразило наличие документов (личных учетных карточек), работников комбината и участников строительства ВЦБК, но не было никаких документов по лагерю, рабочему поселку, руководителям строительства и самого лагеря. Меня больше всего интересовали именно те люди, о которых писал Варлам Тихонович в своем рассказе «Хан Гирей». Вот этот улов оказался, как мне тогда казалось очень удачным. Все учетные документы, которые касались Тамарина и его сестры оказались на месте и все, что мне хотелось тогда узнать можно было получить. Полную (по тем временам) информацию. Результатом той небольшой работы стала статья в районной газете «По следам Хан Гирея».

Прошло еще пару лет и в 1991 году в журнале «Российский летописец» появляется антироман Варлама Тихоновича «Вишера». Не знаю для кого как, но здесь это был

эффект маленькой разорвавшейся информационной бомбы. В городе и районе оказался всего один экземпляр этого журнала в краеведческом музее. Наталья Борисовна Комарчук дала мне этот журнал на ночь. Утром нужно было его вернуть, потому что очередь была колоссальная. Люди хотели собственными глазами убедиться, неужели теперь можно, теперь разрешено, теперь можно говорить и писать о том, о чем так долго молчали. Но была и другая сторона от появления в печати этого произведения. Тот, кто понятия не имел, а что здесь было и как это было, захлеб рассказывали друг другу: «Так вот ты, какая Вишера!!!» А таких людей было много. Прошли годы. В городе обосновались геологи, алмазники, нефтяники, и геофизики, многие из которых в страшных снах не могли себе представить такую историю края, в котором они обрели любимую работу, семью, и соотнести красоту природы с кошмаром её истории на первый взгляд было невозможно.

Антироман Шаламова воспринимался тогда в Красновишерске, как самый яркий и верный исторический источник. Его содержание использовалось историками на уроках, но со временем стало понятно, как мала та толика информации, которая содержится в антиромане конкретно о нашем городе, о лагере. Но само появление антиромана в печати давало право начать исследовательскую работу в этом направлении, и не только касаясь комбината, города, но и всего Вишерского края.

Долго не решались историки и краеведы начать копать этот не тронутый пласт нашей истории. Но ежегодные митинги, конференции о деятельности Варлама Тихновича, его книги, которые начали издавать центральные издательства и которые попадали на Вишеру, наконец, те учителя словесники, которые стали включать в изучение литературы произведения Шаламова, дали тот импульс, который позволил открыть новые страницы истории Вишеры, добавить, а подчас и опровергнуть что-то в произведениях Варлама Тихоновича. Только к концу 90-х годов мы поняли, что антироман Шаламова, конечно же, художественное произведение, написанное на собственных

воспоминаниях и ощущениях, и не все в нем можно использовать как исторический источник. Тем более, что большой материал в антиромане посвящен Ленве и Березникам. Так наступил еще один этап, связанный с изучением истории края, который привлек к краеведческой работе огромное количество людей, в основном конечно же школьников и преподавателей. Это был проект, который предусматривал создание своеобразного историко-географического словаря населенных пунктов Вишерского края на протяжении всей его истории. Используя имевшиеся материалы по дореволюционной истории, в 1997 году мы приступили к сбору свидетельских показаний репрессированных, высланных, кто прошёл вишерские командировки и лагпункты, поселки репрессированных. Получился огромный фактический материал, возможно ранее неизвестный о лесных поселках высланных поселенцев. К сожалению, довести до конца этот проект, который бы заканчивался тем, чем планировалось, а именно словарем, так и не получилось.

Но это была проба наших сил, возможностей и самое главное сбором материала, который позволил в дальнейшем использовать его по другим направлениям. В 1999 году мы впервые сделали попытку реставрации Вишерского лагеря по описаниям Варалама Тихоновича и другим документам, которыми мы тогда располагали. Работу выполнил мой ученик Роман Зайцев. Каково же было мое удивление, когда в нашем архиве оказался настоящий план, он фактически, до мельчайших подробностей оказался похожим на нашу реставрацию. Реставрированный план, был использован в учебно-исследовательской работе «Так рождался наш город (горе и радость)». В 2000 году работы была направлена на Всероссийский конкурс, где получила диплом III степени и замечательный отзыв академика и председателя союза краеведов России Сигурда Отговича Шмидта. Нам было немного проще, потому что в 1999 году там же была отмечена работа Путухова Алексея из школы № 1 «История Пармы».

Ярый сторонник и поклонник творчества В.Т. Шаламова Нина Анисомовна Дюкова вела самостоятельный сбор материалов о репрессивном периоде Вишерской истории. Тогда в конце 90-х, когда еще можно было застать в живых непосредственных свидетелей той страшной истории, сбор её материала оказался просто бесценным. Все мы прекрасно знаем, её подвижнический вклад в популяризацию творчества Шаламова и увековечивание его памяти здесь на Вишерской земле. Изданная в 2008 году книга «Красное колесо Вишеры» есть не что иное, как откровенное продолжение Шаламовского антиромана «Вишера». То, что не смог или не сумел написать Варлам Тихонович, вишерские историки и краеведы попытались сделать в этой книге.

Проходят времена, меняются люди, но не исчезает интерес красновишерцев к своей такой не простой истории. Новые люди, новые открытия, практически ежегодно, на конкурсах учебно-исследовательских работ появляются работы касающиеся периода политических репрессий в СССР и конкретно в Вишерском крае. Прямым доказательством этому служит и работа архивного отдела администрации Красновишерского муниципального района, его сотрудничество с учеными Перми, в частности, с Л.А. Обуховым, который преподносит нам очень интересные документы, позволяющие пересматривать или уточнять нашу столь не простую историю.

СОДЕРЖАНИЕ

К.А. ОСТАЛЬЦЕВ	3
Предисловие	
Т.И. МАРГОЛИНА	5
Приветствие участникам научно-практической конференции «Варлам Шаламов и его время»	
П.А. ПЕЧЕНКИН	7
В.Т. Шаламов и Красновишерск в истории России и ГУЛАГа	
Е.И. ЗОРИНА	10
Чудесный край. О природных богатствах Вишерского края в произведениях В.Т. Шаламова и архивных документах	
И.А. МИТРАКОВА	15
Религия в произведениях В.Т. Шаламова	
Л.А. ОБУХОВ	18
Вишерский лагерь и строительство Вишерского целлюлозно-бумажного комбината (апрель 1929 – январь 1932)	
К.А. ОСТАЛЬЦЕВ	28
Вишерский лагерь ОГПУ и В.Т. Шаламов. Переплетение истории и судьбы	
Н.А. ПЕНЬКЕВИЧ	38
Немцы на Вишере в XX веке	

Т.Р. СЕМАКИНА	47
История строительства Краснокамского целлюлозно-бумажного комбината и г. Краснокамска в 30-е годы XX века	
В. СКВОРЦОВА	51
Э.П. Берзин в истории Красновишерска и творчестве В.Т. Шаламова	
Н.Ю. ХАРЛАМОВ	56
Тема прав человека в творчестве В.Т. Шаламова	
А.А. ЧЕРНЫШОВ	63
Церковный меннонит Генрих Фот и его служение в СССР в 1945-1957 г.г.	
С.А. ШЕВЫРИН	67
Повседневность ГУЛАГа в годы Великой Отечественной войны. На примере Молотовской области	
И.В. ЯКОВЛЕВ	75
В.Т. Шаламов и его работы как исторический источник для вишерских краеведов и историков	

